

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ КЕЛЬТОВ

Томас
Роллестон

Племе́на́ бо́льшие́ Дону
прине́сли с се́вера в Ирландию
четыре́ та́лисмана: ка́мень Фа́и,
волшебный меч Ну́ад,
ко́лье бо́га со́лнца Луга
и ко́рел волшебны́х
луга́ бо́гов Дана́.

4 Ота — в хельской теологии
солнечный бог красноты, сын бога земли Дига.
Изображался в виде старца, облаченного
в звериную шкуру.

Томас Роллестон
Мифы, легенды и предания кельтов

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143452
Мифы, легенды и предания кельтов: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4695-3*

Аннотация

Книга рассказывает о происхождении, религии, мифах и преданиях кельтов – одного из самых загадочных европейских народов. О том влиянии, которое оказал народ воинов и жрецов-друидов на европейскую историю, литературу и искусство. Ирландские саги, мифы и легенды, уэльскую и валлийскую мифологию, рыцарские романы автор представляет без добавлений и изменений, в том виде, в каком они существуют до сих пор, сопровождая их исчерпывающими комментариями.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Томас Роллестон

Мифы, легенды и предания кельтов

Предисловие

Хотя о прошлом зачастую забывают, оно никогда не погибает окончательно. Элементы, однажды вошедшие в кровь и плоть народа, пусть даже во времена самые отдаленные, уже не исчезают, они помогают формировать его историю и накладывают отпечаток на его дух и характер.

А потому исследование этих элементов и изучение, по мере возможности, того следа, который они оставили в жизни нации, весьма важно и представляет немалый интерес для тех, кто осознает, что настоящее – дитя прошедшего, а будущее рождается из настоящего; для тех, кто видит в себе, в своих родных и согражданах не просто мимолетных призраков, спешащих из бездны в бездну, но часть могучей реки народной истории, стремящейся от далеких сокрытых истоков в будущее, обусловленное всеми ее предшествующими поворотами и извивами и одновременно являющееся итогом выбора людей, ее составляющих, с их мужеством и патриотизмом, знаниями и интеллектом.

Влияние кельтов на историю, литературу и искусство жителей Британских островов – народа, распространившего отсюда свое влияние на столь значительную территорию земного шара, – незаслуженно недооценивается массовым сознанием. Причина этого заключается прежде всего в термине «англосаксонский», общепринятой характеристике нации, населяющей Британию. С исторической точки зрения данный термин крайне обманчив. Ничто не оправдывает выбор названий двух нижнегерманских племен, если мы хотим определить этнический состав британцев. Использование данного термина приводит к несообразностям наподобие не так давно обнаруженной автором, когда в английской газете тот факт, что папа римский выдвинул кандидатуру ирландского епископа в качестве претендента на сан кардинала, объяснялся желанием главы католической церкви оказать любезность «англосаксонской нации».

Подлинной характеристикой населения Британских островов и основной части населения Северной Америки служит не понятие «англосаксонский», но понятие «англо-кельтский». Именно это сочетание германского и кельтского элемента придает исключительность жителям Британии; именно это сочетание привносит в душу народа огонь, *elan*, а в литературу и искусство – чувство стиля, цвета, сюжета, непохожее на все произросшее на германской почве, и в то же время дарует ему вдумчивость и глубину, почтение к древним законам и обычаям и стремление к свободе, чуждые в большей или меньшей степени романским народам юга Европы. Пусть для Британских островов качества эти никогда не станут чуждыми! И не следует полагать, что основу этой кельтской составляющей заложили единственно (или хотя бы преимущественно) обитатели так называемой «кельтской окраины». Этнологам ныне прекрасно известно, что саксы вовсе не искореняли кельтское или «кельтизированное» население, на момент их прихода владевшее Великобританией. Э.У.Б. Никольсон, сотрудник Бодлеанской библиотеки, в своем важном труде «Кельтские изыскания» (1904) пишет:

«Имена, которые не были придуманы специально с целью указать на этническую принадлежность, нельзя считать доказательством таковой, но только доказательством общности языка или общности политического устройства. Мы называем англичанином того, кто говорит по-английски, живет в Англии и носит типично английскую фамилию (например,

Фримэн¹ или Ньютон). Однако статистические показатели «относительной черноты» дают серьезные основания полагать, что Ланкашир, Западный Йоркшир, Стаффордшир, Вустершир, Уорикшир, Лестершир, Ратленд, Кембриджшир, Уилтшир, Сомерсет и часть Суссекса – области столь же «кельтские», как Пертшир и Северный Мунстер; что Чешир, Шропшир, Херефордшир, Монмутшир, Глочестершир, Девон, Дорсет, Нортгемптоншир, Хантингдоншир и Бедфордшир аналогичны в данном отношении Северному Уэльсу и Лейнстеру; в то время как Бакингемшир и Хартфордшир превосходят их и стоят наравне с Южным Уэльсом и Ульстером».

Итак, предлагаемый очерк древнейшей истории, религии, мифов и романтической литературы кельтских народов написан для англо-кельтской, а не «англосаксонской» нации. Автор надеется, что многое, о чем говорится здесь и что явилось вкладом в общую сокровищницу европейской культуры, будет сочтено достойным внимания представителями этой нации, теми, кто из всех ныне живущих более всего унаследовал от крови, наклонностей и духа кельтов.

¹ Что касается фамилии Фримэн, Никольсон добавляет: «Никто не был большим англичанином в своих пристрастиях, чем великий историк, носивший это имя, и, пожалуй, никто бы не сопротивлялся сильнее, услышав предположение, что он – выходец из Уэльса; тем не менее я встретил его двойника – фермера-валлийца (по фамилии Эванс), жившего неподалеку от Пуллхели».

Глава 1

Кельты в античной истории первые упоминания

За пятьсот лет до Рождества Христова в летописях народов классической древности появляются упоминания о племени, с которыми эти народы встречались мирно или на поле битвы. Племя это явственно обладало большим влиянием и могуществом на просторах «терра инкогнита» Центральной Европы. Греки называют его «гиперборейцы», или «кельты», – последний термин впервые появляется у географа Гекатея, около 500 г. до н. э.²

Геродот, примерно полустолетием позже, говорит, что кельты живут «за геркулесовыми столпами», то есть в Испании, и что Дунай течет через их земли.

Аристотель знает, что они живут «за Испанией», что они захватили Рим и что благодаря своей воинственности они накопили огромные богатства. Уже у ранних авторов встречаются известия не только географического характера. Гелланик с Лесбоса, историк V в. до н. э., сообщает, что кельты справедливы и добродетельны. У Эфора – около 350 г. до н. э. – есть три стихотворные строки о кельтах, где говорится, что у них «те же обычаи, что у греков», что бы это ни значило, и они дружат с эллинами и приглашают их в гости. Однако Платон в своих «Законах» причисляет кельтов к народам много пьющим и воинственным, а поскольку они вторглись в Грецию и в 273 г. до н. э. разорили Дельфы, их вообще считают племенем крайне варварским. Случившееся веком ранее разорение кельтами Рима стало одной из значимых вех античной истории.

О судьбе этого народа во времена, когда он являл собой могущественнейшую силу в Центральной Европе, можно только догадываться, или же можно воссоздавать ее из разрозненных упоминаний и рассказов о взаимоотношениях кельтов с Грецией и Римом – примерно так, как зоолог воссоздает облик допотопного чудовища по нескольким окаменевшим костям. Собственные их хроники не дошли до нас, и никаких архитектурных сооружений от них не осталось; несколько монет да несколько украшений и немного бронзового оружия с эмалевым декором или с изящными орнаментами, выполненными в технике чеканки или гравировки, – эти предметы да еще названия мест в измененном (порой до неузнаваемости) виде, но все же сохранившиеся на картах, там, где кельты жили – от Эвксина до Британских островов, ныне практически единственные зримые следы былой мощи и древней культуры этого народа, которыми мы располагаем. Тем не менее археологические и топографические свидетельства и сообщения античных авторов позволяют многое установить с очевидностью, а еще больше – с высокой степенью вероятности. Великий ученый-кельтолог, недавно, ко всеобщему прискорбию, от нас ушедший, д'Арбуа де Жюбенвилль³, опираясь на имеющийся в нашем распоряжении материал, реконструировал в общих чертах, но с большой долей убедительности тот период кельтской истории, который предшествовал их появлению на исторической арене (в результате завоеваний Цезаря); основные его идеи мы и воспроизводим здесь.

² У него фигурируют «Ниракс, город кельтов» и «Массалия [Марсель], город в Лигурии в стране кельтов» («Фрагменты греческой истории»)

³ В своей книге «Первые обитатели Европы», том II.

Чистокровные кельты

Для начала нам следует отказаться от мысли, что Кельтику населяла одна «чистая» раса. Чистокровные кельты, если принять вывод Т. Раиса Холмса⁴, подкрепленный длительными исследованиями и подробной аргументацией, а также поддерживаемый всем хором античных авторов, были народом высоким, светлокожим, воинственным и искусным⁵. Они происходили, насколько возможно проследить, откуда-то из земель у истоков Дуная, но распространили свои владения, как с помощью завоеваний, так и путем мирного расселения, на всю Центральную Европу, Галлию, Испанию и Британские острова. Они не уничтожали исконных жителей этих регионов – племена палеолита и неолита, которые строили дольмены и обрабатывали бронзу, – но навязывали им свой язык, свое искусство и традиции, без сомнения немало получая взамен, например, как мы увидим, в такой важной области, как религия. Среди этих племен кельты приобретали статус правящей аристократической элиты. В таком качестве они возглавили вооруженное противостояние чужеземным завоевателям, как в Галлии, так и в Испании, в Британии и в Ирландии. На них ложилось основное бремя во времена войны и мародерских грабежей. Они никогда не испытывали недостатка в отваге, но, чтобы победить, им не хватало силы или сплоченности, и среди них потери оказывались больше, чем среди исконного населения, некогда завоеванного ими. Кроме того, они заключали браки с местными жителями, чьи потомки унаследовали отчасти их доблесть и мужественность. Так и получилось, что характеристики народностей, в настоящее время называемых кельтскими, тех, кто унаследовал кельтскую традицию и язык, в чем-то полностью отличны от свойств кельтов античности и тех, кто создавал литературу и произведения искусства древней Ирландии, а в чем-то очень схожи. Если брать одни только физические признаки, для жителей кельтских областей на Британских островах сегодня типичны смуглая кожа, темные волосы и т. д. – не вполне черные, но темнее, нежели у большинства населения страны⁶. Но настоящие кельты конечно же были светлокожие и светловолосые. Даже ирландцы XVII в. у Гиральда Камбрейского описываются как «светлый» народ.

⁴ Завоевания Цезаря в Галлии. С. 251–327.

⁵ Люди античности не слишком внимательно изучали чужую внешность. Они описывают кельтов почти в тех же выражениях, что и германцев. Доктор Райе Холмс полагает, что на деле «светлые» германцы были белокурые, а кельты – рыжие. На с. 315 вышеупомянутой работы мы обнаруживаем любопытный пассаж: «При том, что примесь другой крови, несомненно, должна была существенно изменить первоначальный тип кельтских или гэльских завоевателей островов, кажется поразительным тот факт, что среди наших «кельтоязычных» земляков встречается множество представителей типа, распространенного также в тех областях Бретани, которые были колонизированы пришельцами из Британии, а также в тех частях Галлии, где захватчики-галлы селились особенно плотно, равно как и в Северной Италии, где некогда господствовали кельты. Не менее удивительно и то, что данный тип, *даже в лице самых белокурых его носителей, заметно отличается, как на взгляд случайного наблюдателя, так и на взгляд ученого, от самых чистокровных представителей древних германцев*. Хорошо известная картина сэра Дэвида Уилки, «Чтение известий о Ватерлоо», как отмечал Даниэль Уилсон, прекрасно иллюстрирует это различие. Посадите обитателя пертширских высокогорий рядом с фермером из Суссекса. Оба они светловолосые; но рыжие волосы и борода шотландца будут резко контрастировать с «соломенными» волосами англичанина, а отличие в чертах лица окажется еще более заметным. Я помню двух егерей в железнодорожном вагоне, по дороге из Инвернесса в Лэйри. Эти высокие, хорошо сложенные, светловолосые люди, очевидно, принадлежали к скандинавскому типу, который, как сообщает доктор Беддо, вполне обычен на крайнем севере Шотландии; но и цветом волос и кожи, и в целом они полностью разнились от высоких горцев, которых я видел в Пертшире. В волосах их отсутствовал малейший намек на рыжину, длинные бороды у них были соломенные. Мне кажется наиболее важной характеристикой именно преобладание рыжих среди людей, говорящих на кельтских языках. Не только одиннадцать человек из каждой сотни окажутся совершенно рыжими, но несложно заметить тот же оттенок и у темно-русых, и у черноволосых».

⁶ См. карту, приведенную у Рипли в «Народах Европы», с. 318. Однако во Франции бретонцы отнюдь не темнее в сравнении с прочим населением. Их предками были древние гэльские племена, а также выходцы из Уэльса, изгнанные с родины вторжением саксов.

Золотой век кельтов

Но мы забегаем вперед; пора вернуться к начальным временам кельтской истории. Как астрономы узнают о присутствии невидимой планеты, наблюдая за возмущениями, сопровождающими движение зримых небесных тел, так и мы можем разглядеть в V и IV вв. до Рождества Христова, за покровом тайны, который уже никогда не поднимется, наличие некоей могущественной силы, находившейся в постоянном движении. То был золотой век кельтов на европейском континенте. В течение этого периода кельты успешно сражались в трех серьезных войнах, немало повлиявших на ход истории на юге Европы. Около 500 г. до н. э. они отняли Испанию у карфагенян. Веком позже они отвоевывают Северную Италию у этрусков. Кельты достаточно плотно расселяются по территории, позднее известной как Цизальпинская Галлия, где о них до сих пор напоминает множество топонимов, таких, как *Mediolanum* (Милан), *Addua* (Адда), *Virodunum* (Верден) и, вероятно, *Cremona* (*creamh*, чеснок)⁷. Они оставили память о себе в лице величайшего из латинских поэтов, чье имя, Вергилий, указывает, возможно, на его кельтское происхождение⁸. К концу IV столетия кельты захватили Паннонию, покорив иллирийцев.

Союзы с греками

Все эти войны велись в союзе с греками, с которыми кельты в то время находились в самых дружеских отношениях. После войны с карфагенянами монополия последних на британское олово и серебро из испанских рудников была поколеблена, и эллины могли спокойно торговать, пользуясь сухопутным торговым путем через Францию в Британию, на котором фокейцы в 600 г. до н. э. выстроили порт Марсель. Греки и кельты в то время объединились против финикийцев и персов. Гелон разбил Гамилькара у Гимеры, что в Сицилии, в год поражения Ксеркса при Саламине. Карфагенская армия в том походе состояла из наемников полудюжины различных национальностей, но в рядах ее не было ни одного кельта, и враждебность кельтов немало поспособствовала тому, что карфагеняне не послали помощь персам в борьбе против общего врага. Все приведенные факты свидетельствуют об одном: во многом благодаря кельтам греческая цивилизация не погибла под натиском восточных деспотий и в Европе прижился бесценный росток свободы и культуры.

Александр Великий

Когда при Александре Великом началось встречное наступление эллинов на Восток, кельты опять сыграли немалую роль в развитии событий.

В IV в. Македония была атакована и почти разрушена полчищами фракийцев и иллирийцев. Царь Аминта II потерпел поражение и отправился в изгнание. Его сын Пердикка II погиб в бою. Филипп, младший брат Пердикки, воссел на довольно шаткий трон, который он и его потомки сделали центром великой империи. Завоевания кельтов в долинах рек Дуная и По весьма помогли Филиппу, стремившемуся сбросить иго иллирийцев. В дни

⁷ См. книгу Хольдера «Сокровищница языка древних кельтов».

⁸ «Вергилий», вероятно, означает «очень яркий» или «прославленный», это вполне обычное имя собственное. В галльских именах «*vet*» (Верцингеториг, Веркассивелласим и др.) часто выступает в роли усилительного префикса, подобно современному ирландскому «*fiog*». Название деревни, где родился Вергилий, Анды (ныне Пиетола), кельтского происхождения. Его любовь к природе, его мистицизм, его пристрастие к красоте языка и стихотворного размера – качества сугубо кельтские.

Александра союз по-прежнему оставался в силе и, вероятно, был скреплен неким официальным договором. Собираясь в 334 г. до н. э. на завоевание Азии, Александр заключил соглашение с кельтами, «живущими у Ионийского залива», дабы обезопасить на время своего отсутствия собственные греческие владения. Об этом эпизоде рассказывает Птолемей Сотер в истории Александровых войн⁹. Яркость и живость его рассказа свидетельствуют в пользу его подлинности; еще одно независимое подтверждение истинности этой истории нашел де Жюбенвилль. Итак, кельтские послы, которые, как нам сообщается, мужи рослые и мнения о себе высокого, успешно завершили свою миссию; они пьют с царем, и тот спрашивает, чего они больше всего боятся. Послы отвечают: «Людей мы не боимся; только одного мы опасаемся – как бы не упало на нас небо; но ничто мы не ценим выше, чем дружбу такого, как ты». Александр распрощался с ними и заметил своим приближенным: «Что за хвастуны эти кельты!» Однако ответ послов, при всей его истинно кельтской дерзости, не лишен благородства и любезности. Слова о возможном падении неба, по-видимому, отсылают нас к некоему древнейшему поверью или мифу, но точное содержание его ныне установить невозможно¹⁰. Интересен текст клятвы, принесенной кельтами при заключении соглашения: «Если мы нарушим данное обещание, пусть небо упадет на нас и раздавит, пусть земля разверзнется и поглотит нас, пусть море поднимется и обрушится на нас». Де Жюбенвилль обращает внимание читателей на соответствующий пассаж из «*Tain bu Cuailnge*» («Похищение быка из Куальнге»), в рукописи Лейнстерской книги¹¹, где герои-улады говорят своему королю, который хочет покинуть их, чтобы встретить врага в другом месте: «Небеса у нас над головой, а земля под ногами, и море вокруг. Доколе небо со множеством звезд не обрушится наземь, доколе голубокрайнее многорыбное море не покроет землю, доколе не разверзнется твердь, ни на шаг не отступим...»¹² То, что эта своеобразная клятвенная формула просуществовала более тысячи лет, и то, что, прозвучав из уст кельтов Центральной Европы, она вновь возникает в ирландском предании, действительно весьма любопытно и вместе с прочими фактами, о которых пойдет речь позднее, убедительно свидетельствует в пользу непрерывности и единства кельтской культурной традиции¹³.

Разорение Рима

Мы упомянули о трех великих войнах континентальных кельтов; теперь мы подходим к третьей – войне с этрусками, которая с неизбежностью привела их к столкновению с величайшей силой языческой Европы и дала им возможность совершить их великолепнейший подвиг – взятие Рима. Около 400 г. до н. э. Кельтская империя, по-видимому, достигла вершины своего могущества. При царе, которого Ливии именует Амбигатом и который был, по-видимому, вождем главенствующего в военной конфедерации племени (подобно нынешнему германскому императору¹⁴), кельты, очевидно, обрели определенное политическое единство и выработали последовательную стратегию совместных действий. Привлеченные изобильными землями Северной Италии, они перебравшись через альпийские перевалы и, вступив в жестокую схватку с этрусками, населявшими данный район, утвердились

⁹ Птолемей, друг и, вероятно, сводный брат Александра, разумеется, присутствовал при этом событии. Его труд не сохранился, но выдержки из него приводят Арриан и другие историки (*Арриан. Поход Александра*, I, 4, 6–8).

¹⁰ Здесь можно припомнить народную сказку о Хенни Пенни, который ходил сообщить королю, что небо падает.

¹¹ Лейнстерская книга датируется XII столетием. Версия «Похищения», данная в ней, восходит, вероятно, к VIII в. См.: «*Premiers Habitants*», ii. С. 316.

¹² Цит. по: Похищение быка из Куальнге. Издание подготовили ТА. Михайлова, С.В. Шкунаев. М.: Наука, 1985. 494 с. С. 319.

¹³ А также говорит о правдивости рассказа Птолемея.

¹⁴ Первое издание книги относится к 1917 г.

на новом месте. В то время римляне теснили этрусков с юга, и таким образом римляне и кельты оказались союзниками. Но обитатели Вечного города проявили опрометчивость, когда при осаде Клузия в 391 г. до н. э., видимо из презрения к северным варварам, поступили по отношению к ним бесчестно. Кельты увидели, что римляне, явившиеся к ним под защитой священного статуса посланцев, сражаются на стороне их врагов. Последовавшие за этим события, в том виде, в каком они известны нам, в значительной степени несут на себе отпечаток легенды, однако в ярких драматических деталях проглядывают черты кельтского национального характера. Итак, северяне потребовали возмездия для предателей – послов, которыми были три сына Фабия Амбуста. Римляне отказались удовлетворить их требование и на следующий год избрали сыновей Фабия военными трибунами. Тогда кельты сняли осаду Клузия и двинулись на Рим. Армия проявила невероятную дисциплинированность. По дороге не происходило никаких грабежей, ни один город не был разорен. «Мы идем на Рим!» – кричали они изумленным и испуганным часовым, наблюдавшим со стен провинциальных городов за стремительным продвижением войска на юг. Наконец кельты добрались до Аллии, реки в нескольких милях от Рима, где все силы Города собрались, чтобы достойно встретить их. Битва произошла 18 июля 390 г., и этот горестный *diesAlliensis* надолго остался в римском календаре воспоминанием о величайшем позоре, который когда-либо переживала республика. Кельты ударили во фланг римской армии и смяли ее своим могучим натиском. Спустя три дня они были в Риме и почти год оставались властителями города, или, точнее, его развалин, пока не получили огромный выкуп и не отомстили сполна за вероломство при Клузии. На протяжении примерно столетия между кельтами и римлянами царил мир; конец этого мирного периода, когда некоторые кельтские племена в Третьей самнитской войне объединились со своими старыми врагами, этрусками, совпал с распадом Кельтской империи¹⁵.

Прежде чем мы закончим с исторической частью нашего вступления, следует рассмотреть еще два вопроса. Во-первых, каковы свидетельства масштабности кельтского влияния в Центральной Европе того времени? Во-вторых, чем тогда занимались германцы и каковы были их взаимоотношения с кельтами?

Кельтские топонимы в Европе

В поисках развернутого ответа на эти вопросы нам потребовалось бы погрузиться в бездну лингвистических тонкостей, в которых способен как следует разобраться только специалист. Соответствующее обоснование полностью дано в работе де Жюбенвилля, о которой уже неоднократно упоминалось. Основу его аргументации составляет исследование европейских топонимов. Так, возьмем кельтское наименование *Noviomagus*, состоящее из двух кельтских слов: прилагательного, обозначающего «новый», и *magos* (ирландское *magh*) – «поле, равнина»¹⁶. В древности было известно девять мест с таким названием. Шесть из них находились во Франции, среди них нынешний Нуайон на Уазе, Нижон в Воже, Ньюон в Дроме. За пределами Франции можно назвать Нимеж в Бельгии и Неймеген в долине Рейна.

Для европейских топонимов типичным является также кельтский элемент «*dunum*» – «крепость», «замок», и по сей день нередко встречающийся в названиях местностей Ирландии и Шотландии (Дандолк, Данробин и др.). Его часто можно обнаружить во французских топонимах: *Lug-dunum* (Лион), *Viro-dunum* (Верден). В Швейцарии нужно назвать *Minno-dunum* (Моудон), *Eburo-dunum* (Ивердон); в Нидерландах название города Лейден вос-

¹⁵ Римские историки сообщают о других столкновениях с кельтами в течение этого времени, но де Жюбенвилль показал, что их сообщения почти целиком вымышлены.

¹⁶ Например, *Mag Meala* (*magh meala*) – Равнина Меда, гэльское название Страны блаженных.

ходит опять-таки к *Lug-dunum*. В Великобритании кельтское обозначение нередко просто переводили словом «*castra*»; так, *Camulo-dunum* превратился в Колчестер, *Brano-dunum* – в Бранкастер. Для Испании и Португалии классические авторы называют восемь топонимов, оканчивающихся на «-dunum». Современные немецкие названия Кемптон, Карнберг, Лиенц восходят соответственно к кельтским формам *Cambo-dunum*, *Carro-dunum*, *Lugi-dunum*; нынешний Белград (Сербия) – это *Sugi-dunum*, *Novi-dunum* – теперь Исакча в Румынии, один *Carro-dunum* расположен на юге России близ Днестра, а другой – в Хорватии, теперь – Пицмеза. *Segodunum* – это не только нынешний Родез во Франции, но и Вюрцбург в Баварии; в Англии же имеется *Sege-dunum* (Уоллсенд в Нортумберленде); первый элемент, «sego», вполне различим в испанском топониме Сегорбе (*Sego-briga*). «*Briga*» – опять-таки кельтское слово, этимологически связанное с германским «*burg*» и эквивалентное по значению «*dunum*».

Еще один пример: слово «*magos*», «равнина», весьма употребительное в Ирландии, в изобилии встречается как во Франции, так и за ее пределами; например, в Швейцарии (*Uro-magus*, теперь Промасен), в долине Рейна (*Brocomagus*, или Брумат), несколько раз – в Ломбардии и в Австрии.

Приведенный список примеров далеко не полон; автор просто хотел показать, насколько широко простиралось влияние кельтов и в какой чистоте сохраняли они свой язык, где бы ни жили.

Раннее кельтское искусство

О том же свидетельствуют остатки материальной культуры древних кельтов. В 1846 г. в Гальштатте, близ Зальцбурга, что в Австрии, был обнаружен гигантский некрополь доримского периода. Доктор Артур Эванс полагает, что предметы, в нем содержащиеся, относятся примерно к 750–400 гг. до н. э. Многие из них свидетельствуют о высоком уровне материальной культуры и развитой торговле. Так, там были найдены янтарь с берегов Балтийского моря, финикийское стекло, золотые поделки восточной работы, а также железные мечи, рукояти и ножна которых богато украшены золотом, слоновой костью и янтарем.

Кельтская культура, к которой принадлежат находки в Гальштатте, трансформировалась позднее в то, что теперь называют латенской культурой. Поселение Латен располагается на северо-восточном берегу озера Невшатель, и с 1858 г., когда там впервые были проведены раскопки, археологи нашли в этих местах немало интереснейших предметов. По мнению доктора Эванса, эти древности относятся к периоду расцвета цивилизации в Галлии и датируются приблизительно III в. до н. э. О латенской культуре следует судить исходя из недавнего наблюдения Ромилли Аллена, приводимого в его книге «Кельтское искусство» (Romilly Allen, «Celtic Art», p. 13):

«Понимание эволюции кельтского искусства затрудняет прежде всего тот факт, что, хотя кельты как будто бы не изобрели ничего нового, они проявляли удивительную способность заимствовать идеи самых разных народов, с какими сталкивала их война или торговля. И едва кельт присваивал какую бы то ни было мысль соседей, как она тут же становилась настолько кельтской, что преображалась почти до неузнаваемости».

Итак, кельты вершинной континентальной культуры – латенской – усвоили первоначально вполне натуралистические мотивы греческих орнаментов, в частности пальметту и меандр. Однако кельтам было свойственно избегать в своем художественном творчестве любого, пусть даже самого осторожного, подражания естественным формам растительного и животного мира. В их руках все обретало чисто декоративный характер. Им нравились сочетания длинных плавных кривых и волн с энергией плотно свитых спиралей и выпуклостей, и из этих простых элементов, добавив к ним несколько греческих мотивов, они создали

прекрасные, изящные и разнообразные орнаменты и декоративные детали и стали пользоваться ими, изготавливая оружие, украшения, домашнюю утварь, из золота ли, бронзы, дерева или камня, и, вероятно, когда шили одежду, хоть мы и не можем утверждать этого с точностью. По-видимому, только одна великолепная составляющая декора металлических изделий – целиком и полностью порождение Кельтики. Эмаль была неизвестна народам классической античности, пока они не узнали о ней от кельтов. Еще в III в. н. э. она казалась диковиной в Средиземноморье, о чем свидетельствует замечание Филострата: «Рассказывают, будто они (то есть бритты) льют эти краски на раскаленную медь и будто они прилипают, становятся твердыми, как камень, и узоры, сделанные на них, не исчезают».

Дж. Андерсон пишет в «Записках шотландского общества антикваров»:

«Галлы, как и бритты – отростки одного кельтского ствола, – изготавливали эмаль еще до римского завоевания. Среди развалин города Бибракте, уничтоженного легионами Цезаря, были недавно открыты мастерские, с печами, тиглями, формами, шлифовальными камнями, с эмалями на разных стадиях изготовления. Но по сравнению с бриттскими образчиками эмали из Бибракте – дилетантские эксперименты. Родиной этого искусства была Британия, и художественный стиль, как и те находки, вместе с которыми были обнаружены образчики эмали, со всей определенностью указывают, что высшей ступени развития это искусство достигло прежде, чем установился контакт с культурой Рима».

В Национальном музее города Дублина имеется множество шедевров ирландского декоративного искусства – бронза, золото, эмали, – и то «кельтское», о котором говорит Ромилли Аллен, столь же отчетливо проглядывает здесь, как и в предметах из Гальштатта или Латена.

Таким образом, все свидетельствует об общности культуры и тождестве национального характера на всей обширной территории, известной античному миру под именем Кельтика.

Кельты и германцы

Но, как мы уже говорили, эту территорию населяли отнюдь не только кельты. В частности, хотелось бы выяснить, кто были и где жили германцы, тевтоготские племена, вслед за кельтами ставшие для классической цивилизации жестокой угрозой с севера?

О них упоминает Пифей, выдающийся греческий путешественник и географ, около 300 г. до н. э., но они не играют никакой роли в истории до тех пор, пока на исходе II столетия, теперь уже под именем кимвров и тевтонов, не вторгаются в Италию и не терпят поражение от Мария. Древнегреческие географы – предшественники Пифея ничего о них не знают и отдают все земли, которые ныне считаются германскими, различным кельтским племенам.

Объяснение, данное де Жюбенвиллем и основанное на различных соображениях лингвистического характера, состоит в том, что германцы подчинялись кельтам, как подчинялись им жившие в Галлии и в древней Ирландии «несвободные племена». Они не обладали никакой собственной политической значимостью. Де Жюбенвилль полагает, что все слова, связанные с законом, властью и войной, которые обнаруживаются и в кельтских, и в тевтонских языках, были заимствованы последними у первых. Важнейшие из них – те, которые в современном немецком превратились в «*Reich*» – «империя» и «*Amt*» – «служба», а также готское «*reiks*» – «король», бесспорно, имеют кельтское происхождение. Кроме того, к кельтским заимствованиям де Жюбенвилль причисляет слова «*Bann*» – «принуждение», «*frei*» – «свободный», «*Geisel*» – «заложник», «*Erbe*» – «наследство»; «*Werth*» – «стоимость», «*Weih*» – «освящение», «*magus*» – «раб» (готский), «*wini*» – «жена» (древневерхненемецкий), «*skalks*», «*schalk*» – «раб» (готский), «*hathu*» – «битва» (общегерманский); «*Helith*», «*Held*»

– «герой», от того же корня, что и «Celt»; «*Heer*» – «армия» (кельтское «chorus»), «*Sieg*» – «победа», «*Beute*» – «добыча», «*Burg*» – «крепость» и многие другие.

Интересна этимология некоторых из них. Так, «Amt», столь значимое для современной немецкой системы управления слово, восходит к древнекельтскому «ambhactos», которое являет собой производное от слов «ambi» – «около» и «actos», причастия прошедшего времени от корня «AG», что значит действовать. Далее, «ambi» происходит от индоевропейского «mbhi», где *m* – нечто вроде гласной, которая на санскрите впоследствии обозначалась как *a*. Эта гласная *m* превращается в *v* в тех германских словах, которые восходят непосредственно к индоевропейским корням. Но слово, ныне звучащее как «Amt», имеет первоначальную форму «ambacht», что указывает на его происхождение от кельтского «ambhactos».

Опять же, для «frei» выявлена первоначальная форма «frijo-s», восходящая к индоевропейскому «prijo-s». Здесь слово еще не означает «свободный», но «возлюбленный» (санскритск. «priya-s»). Однако в кельтском языке prijos теряет начальное *p*; затруднения, которые вызывало произнесение этого звука, – характерная черта древнекельтского языка; *j* по всем правилам превращается в *dd*, и в современном валлийском звучит как «thydd» – «свободный». Первоначальное, индоевропейское значение сохранилось в германских языках в имени богини любви – Freia, и в словах «Freund» – «друг», «Friede» – «мир», «согласие». Значение, связанное с наличием определенных прав, восходит к древнекельтскому употреблению слова, и в этом смысле, очевидно, оно представляет собой заимствование.

Немецкое «Beute» («добыча») имеет поучительную историю. Существовало галльское слово «bodi», сохранившееся в сложных словах типа топонима «Segobodium» (Сево) и разных личных именах и племенных названиях, включая имя Boudicca; впрочем, та, кому оно принадлежит, более известна как «бриттская королева-воительница», Боадия. Означало оно в древности «победа». Но плоды победы, конечно, трофеи, и в этом материальном смысле слово было заимствовано немецким, французским («bûrin»), норвежским («byte») и валлийским («budd») языками. С другой стороны, в ирландском слово сохранило всю сложность своего значения. В ирландском переводе первой книги Паралипоменон, там, где в Вульгате говорится: «Tua est, Domine, magnificentia et potentia et gloria et victoria» (29:11)¹⁷ слову «victoria» соответствует ирландское buaidh, а, как отмечает де Жюбенвилль, «речь здесь идет отнюдь не о добыче». Он продолжает: «Buaidh, благодаря развитой книжной культуре, сохранило в ирландском то возвышенное значение, которое оно имело в языке галльской аристократии. Низшие слои населения воспринимали только материальный смысл слова, и в немецком, французском и валлийском языках запечатлелась именно эта традиция»¹⁸.

И тем не менее, две вещи кельты так и не смогли или не захотели передать покоренным германским племенам – свой язык и свою религию. Эти два фактора, составляющие основу единства нации и предмет ее гордости, стали причиной того, что в итоге германцы все-таки взбунтовались и свергли главенство кельтов. Имена германских богов отличны от имен богов кельтских, различаются и погребальные обряды, связанные с сокровеннейшими верованиями примитивных народов. Кельты, или, по крайней мере, большая их часть, хоронили своих мертвецов в земле, полагая кремацию унижением и применяя ее только в отношении преступников, а также пленников и рабов, которых они сжигали во время жертвоприношений, представляющих собой самое мрачное пятно на репутации этого народа. Напротив, германцы складывали для почтенных покойников погребальные костры, подобно грекам в ранний период истории; если не было возможности предать огню все тело, сжигались наиболее благородные его части – голова и руки, а оставшееся погребали.

¹⁷ Твое, Господи, величие, и могущество, и слова, и победа...

¹⁸ Первые обитатели Европы, п. С. 355, 356.

Падение кельтской империи

Что именно произошло во время восстания германцев, мы никогда не узнаем; однако известно, что с 300 г. до н. э. кельты, по-видимому, бесповоротно утратили прежнее политическое единство и общую цель, ранее их сплачивавшую. Словно раскиданные в разные стороны могучим подземным взрывом, эти племена, подобно лавовым потокам, устремились на юг, на восток и на запад. Некоторые пробрались в Северную Грецию, где осуществили крайне возмущивший их прежних друзей и союзников акт насилия – разорили святилище в Дельфах (273 г. до н. э.). Другие пытались возобновить, но неудачно, прежнюю борьбу с Римом и понесли огромные потери в битвах при Сентине (295 г. до н. э.) и Вадимонском озере (283 г. до н. э.). Некая группа дошла даже до Малой Азии и основала там кельтское государство Галатия, где в IV в. н. э. еще говорили на кельтском наречии, как свидетельствует блаженный Иероним. Прочие, очевидно, стали наемниками Карфагена. Жаркие схватки кельтов с разрозненными германскими племенами или с такими же кельтами, но явившимися в эти земли на волне предшествующих миграций, происходили на всей территории Центральной Европы, Галлии и Британии. Когда все успокоилось, от Кельтской империи остались лишь Галлия и Британские острова – единственные страны, где еще распоряжались кельтские вожди. С началом христианской эры эти области оказались под игмом Рима, и окончательная их романизация стала только вопросом времени.

Уникальная историческая ситуация в Ирландии

Лишь в Ирландию никогда даже не забредали – не то что не захватывали ее – римские legionеры, и она сохраняла независимость, невзирая на всех пришельцев, формально до конца XII в., реально же – еще добрых три столетия.

Потому Ирландия представляет для нас особый интерес, ведь она пронесла исконную кельтскую цивилизацию, кельтские общественные установления, искусство, литературу и древнейшую из существующих форму кельтского языка¹⁹ через провал, отделяющий античность от современности, языческий мир от христианского, и представила все это пред очи современных историков и исследователей.

¹⁹ По-видимому, ирландский фиксирует более древнюю форму кельтского языка, нежели валлийский. На это указывают многие лингвистические особенности ирландского языка, из которых здесь можно кратко перечислить лишь основные. Гойделлы, или гэльские кельты, которые, согласно общепринятой теории, первыми колонизировали Британские острова, изгнанные на крайний запад своими сородичами с материка, питали особую неприязнь к звуку *p*. Так, индоевропейский префикс «*prag-*», в греческом давший «*Пора*», в древнекельтском превращается в «*age*», как в названиях *Age-mogici* (армориканцы, те, кто живет *ar muir*, у моря); *Age-dunum* (Арденны, Франция); *Age-cluta*, то, что рядом с БСлотой (Клайд), ныне Дамбартон, *Age-taunon* в Германии (близ горной цепи Тавн) и т. д. Этот звук или просто исчезал, или переходил в *c* (*k*, *g*). Но приблизительно в VI в. до н. э. язык континентальных кельтов заметно изменился. Каким-то необъяснимым образом они приобрели способность к произношению *p*, и даже заменили им уже наличествовавший *c*; так, первоначальное «*Cretanis*» превратилось в «*Pretanis*», Британия; числительное «*qetuagres*» (четыре) преобразилось в «*petuagres*», и так далее. Кельтские топонимы в Испании свидетельствуют, что данное изменение прошло еще прежде завоевания кельтами этой страны, имевшего место в 500 г. до н. э. Но если сопоставить ряд ирландских и валлийских слов, то мы увидим, что ирландский избегает *p*, чего никак нельзя сказать про валлийский. Вот несколько примеров: *ирландский валлийский перевод* *stann* *grepp* дерево *mas* *tar* сын *sepp* *rep* голова *clumh* [*cluv*] *pluv* перо *cuig* *rimp* пять Как будто бы вполне очевидно, что ирландский сохранил для нас более древнюю форму языка. Интересно, что ирландцы продолжали не любить *p* до относительно недавнего времени. Так, латинское «*Pascha*» перешло в «*Casg*»; «*puprug*» – «пурпурный» – в «*corcair*»; «*pulsatio*» (через французское «*pouls*») в «*cuisse*». Тем не менее следует отметить, что Никольсон в своих «Кельтских изысканиях» пытается доказать, что в древнейший период кельты-гойделлы способны были произносить так называемое индоевропейское *p*, то есть одиночный звук *p*, вне сочетания с другой согласной. Едва ли можно сейчас считать этот вопрос окончательно решенным.

Характер кельтов

Как физические, так и нравственные качества, на удивление последовательно приписываемые классическими авторами кельтским племенам, весьма нетипичны сами по себе. Многие из того, что сообщают писатели, можно сказать о любом неразвитом, лишенном письменности народе, и все же своеобразных черт оказывается столько, что, если зачесть все эти античные описания, не называя, о ком идет речь, каждый человек, более-менее знакомый хотя бы с историей Нового времени, наверняка без колебаний назовет именно кельтов.

Некоторые из этих сообщений уже упоминались, и нет нужды повторять здесь слова Платона, Эфора или Арриана. Однако следует, пожалуй, добавить высказывание Марка Порция Катона: «Есть две вещи, которым галлы отдаются целиком – искусство войны и изящество речи (*rem militarem et argute loqui*)».

Рассказ Цезаря

Цезарь оставил нам весьма аккуратный и содержательный рассказ об обитателях Галлии. Он сообщает, что галлы со всем пылом бросаются в битву, но быстро падают духом в случае поражения. Они невероятно суеверны, подчиняются друидам во всем – и в общественных, и в частных вопросах, и худшим наказанием считают запрет участвовать в религиозных церемониях:

«Кто таким образом отлучен [то есть не подчинившись приговору друидов], тот считается безбожником, преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды, точно заразного; как бы он этого ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую-либо должность. <...> Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и не платят податей наравне с другими. <...> Вследствие таких преимуществ многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники. Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов до двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются греческим алфавитом»²⁰.

Кельты, по описанию Цезаря, жадны до новостей (часто останавливали купцов и путешественников, дабы послушать их рассказы)²¹, подвержены чужому влиянию, доверчивы, слабохарактерны, скоры на решения и склонны ко всяким переменам²². Одновременно они отличаются большой смысленностью и способностью быстро перенимать и воспроизводить то, чему учат другие²³. Цезарь особо отмечает то искусство, с которым они противостояли неизвестной им римской системе осады. Он с большим уважением отзывается об их отваге, приписывая свойственное им презрение к смерти, до некоторой степени, по крайней мере, их твердой вере в бессмертие души. Народ, который в прошлом не раз наносил поражение римским войскам, который разорил Рим и который самого Цезаря не раз ставил в ситуацию очень серьезную и опасную, очевидно, состоял не из слабаков, каковы бы ни были их верования и ритуалы. Цезарь не склонен к сентиментальному восхищению противником,

²⁰ Записки о Галльской войне, VI, 13.

²¹ Как сообщает Эдмунд Спенсер в своем трактате «О современном состоянии Ирландии», ирландцы «имеют обычай часто посылать в разные места, чтобы узнать новости, и если где-нибудь встречаются двое, то их первый вопрос после приветствия будет: «Какие новости?»

²² Записки о Галльской войне, IV, 5.

²³ Там же, VII, 22.

но один эпизод осады Аварика заставляет его прославлять доблесть его защитников. Римляне возвели деревянную постройку – аггер, дабы добраться до стен, неприступных для тарана. Галлы подожгли ее. Чрезвычайно важно было не дать осаждающим затушить пламя, и некий галл со стены над аггером принялся кидать в огонь комки сала и смолы, которые ему передавали изнутри. Вскоре он был убит выстрелом из римской катапульты. Один из его помощников немедленно перешагнул через его труп и продолжал его дело. Он тоже пал, но его место занял третий, затем четвертый; и это прекратилось только тогда, когда легионеры окончательно потушили пламя и оттеснили защитников внутрь города, который на следующий день взяли²⁴.

Страбон о кельтах

Географ и путешественник Страбон, умерший в 24 г. н. э. и живший, таким образом, несколько позже Цезаря, немало сообщает нам о кельтах. Он отмечает, что их земля (то есть Галлия) густо заселена, хорошо возделана и весьма плодородна. Женщины отличаются плодovitостью, они хорошие кормилицы. Мужчины войнолюбивы и бросаются в бой без оглядки, отважны, но простодушны и незлобивы, и их легко одолеть, применив хитрость. Они тянутся к цивилизации и переняли в Массалии греческое письмо и образованность, в их городах учреждаются общественные школы. Они более искусные всадники, чем пехотинцы; во времена Страбона кельты составляли цвет римской кавалерии. Они живут в больших куполообразных домах из досок и плетней – без сомнения, обмазанных глиной и известью, как в Ирландии, – на которые сверху набросана масса тростника. В Галлии существовали могучие города, и Цезарь отмечает прочность городских стен, сложенных из бревен и камня. И Цезарь, и Страбон сходятся в том, что между знатью и жрецами, то есть образованными слоями населения, с одной стороны, и простым народом – с другой, имелась четкая граница, и последние совершенно подчинялись первым. Конечно, общественное разделение примерно соответствовало делению по национальному признаку – «аристократия» состояла из кельтов-завоевателей, а в качестве «простолюдинов» выступали покоренные местные племена. Цезарь сообщает, что учение друидов предполагает бессмертие души, Страбон же добавляет, что они верят в нерушимость, то есть в известном смысле божественность, материальной вселенной.

Кельтский воин любил щегольнуть. Его привлекало все, что придавало жизни блеск и ощущение полноты. Оружие его было всегда великолепно украшено, конская сбруя сверкала бронзой и эмалью, причем узоры не уступали в изяществе шедеврам Микен и Крита, одежду его покрывала золотая вышивка. Стоит упомянуть историю о том, как Верцингеториг извещал покорность Риму, поскольку она демонстрирует типично кельтскую смесь рыцарского благородства и того, что рассудительным римлянам представлялось детским хвастовством²⁵. Когда падение Алезии положило конец его героической борьбе с Римом и он понял, что все потеряно, король созвал совет и сказал вождям, которых он провел через всю славную, хотя и окончившуюся поражением, войну, что готов пожертвовать собой ради своих верных последователей – и пусть они либо отошлют Цезарю его голову, либо он сдастся римлянам сам, дабы соплеменники его смогли добиться лучших условий. Выбрано было второе. Тогда Верцингеториг облачился в самые роскошные доспехи, надел на коня самую великолепную сбрую, объехал трижды вокруг римского лагеря, явился к Цезарю и положил к его ногам свой меч, составлявший до тех пор единственную защиту галльской независимости. Цезарь

²⁴ Записки о Галльской войне, VII, 25.

²⁵ Этой истории нет у Цезаря, но о ней упоминают Плутарх и историк Флор; многие серьезные ученые (например, Моммзен и Лонг) считают ее достоверной.

отослал его в Рим, где тот шесть лет провел в заточении и был казнен, когда победоносный военачальник праздновал свой триумф.

Тем не менее любовь кельтов к роскоши и к искусству зачастую сочеталась с самым грубым варварством. Страбон говорит, что, когда воины возвращались домой с победой, то головы их врагов свисали с шей их лошадей – точно так же головы убитых висят на колеснице Кухулина, возвращающегося в Эмайн после набега на Коннахт. Хозяйственное устройство у кельтов было самое грубое: они спали на земле, сидели на соломенных тюфяках, а женщины их работали в поле²⁶.

Полибий

У Полибия в описании битвы при Кластидии (222 г. до н. э.) есть примечательная сцена. Он сообщает, что гесаты²⁷, стоявшие в первых рядах кельтской армии, вышли на битву обнаженными, и вид этих могучих воинов, на белой коже которых сверкали ожерелья и браслеты из золота, столь любимого кельтами, заставил затрепетать римских легионеров. Но на исходе дня все эти золотые украшения отправились на обозах в город Рим, и Полибий подытоживает свой рассказ следующим замечанием: «Галаты не в большинстве случаев только, но во всем и везде руководствовались страстью, а не рассудком». Легко представить, что целомудренная простота, отличавшая германцев, никогда не была отличительным свойством кельтов²⁸.

Диодор

Диодор Сицилийский, современник Юлия Цезаря и Августа, путешествовавший по Галлии, в целом подтверждает рассказы Цезаря и Страбона, но прибавляет к ним несколько интересных деталей. В частности, он отмечает любовь галлов к золоту. Из него изготавливали даже панцири. Эта черта была весьма характерна и для Ирландии, где найдено невероятное количество доисторических золотых изделий; известно, что некогда их было значительно больше. Посидоний и Диодор рассказывают, что в храмах и святилищах лежало множество золотых подношений, которых никто даже не касался. Диодор говорит о великом почтении, с которым относились к бардам, и, вслед за Катонем, отмечает, как нечто особенное, что образованные галлы «в речах немногословны и иносказательны и часто высказываются загадочными намеками»²⁹. Таков точно и язык древнеирландской литературы, отличающийся невероятной лаконичностью и одновременно содержательностью. Друид считался необходимым посредником между богом и человеком – никто не мог принести жертву без его участия.

Аммиан Марцеллин

Аммиан Марцеллин, писавший значительно позднее, во второй половине IV столетия н. э., также побывал в Галлии, к тому времени, разумеется, сильно романизированной. Однако, как и его предшественники, он говорит о силе, красоте и заносчивости галльских воинов. Он добавляет, что эти люди, особенно в Аквитании, исключительно опрятны и чистоплотны, и нет никого, кто бы ходил в лохмотьях. Галльские женщины, согласно его

²⁶ Страбон. География, FV, I–V.

²⁷ Это племя получило свое название по излюбленному ими виду оружия, которое римляне называли гаесум – своего рода дротик. Крученое золотое ожерелье можно видеть на знаменитой статуе агонизирующего галла, широко известной под названием «Умиравший гладиатор». В Национальном музее Дублина имеется немало такого рода украшений.

²⁸ Полибий. Всеобщая история, II, 29–35.

²⁹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, V, 31.

описанию, очень высоки ростом, голубоглазы и удивительно красивы; но здесь к его явному восхищению примешивается элемент робости, ибо, как он утверждает, если и с мужчиной-галлом драться небезопасно, то, когда ему на помощь придет его жена и начнет наносить «белоснежными могучими руками» удары не слабее ударов тарана – тогда пиши пропало. Тут же вспоминается целая галерея образов смелых, независимых, страстных ирландских женщин – Медб, Грайне, Финдабайр, Дейрдре и – личность вполне реальная – Боадия, чье имя вошло в легенды Британских островов.

Раис Холмс о Галлах

Дабы суммировать то, что нам известно о жизни и занятиях кельтов незадолго до наступления христианской эры, приведем следующий пассаж из книги доктора Раиса Холмса «Завоевания Цезаря в Галлии», вполне применимый и к ситуации в Ирландии:

«Народы Галлии по своему развитию значительно превышали уровень дикарей; а обитатели внутренних областей, многие из которых уже попали под римское влияние, приобрели некоторую цивилизованность и отчасти даже приобщились к роскоши. Штаны их, из-за которых провинция получила название Gallia Bracata, и их разноцветные плащи и килты приводили завоевателей в изумление. Их вожди носили золотые кольца, браслеты и ожерелья; и когда эти высокие светловолосые воины мчались на битву, в шлемах, сделанных в форме головы какого-нибудь хищного зверя, увенчанных раскачивающимися перьями, в кольчугах, с продолговатыми щитами и огромными бряцающими мечами – это было красивое зрелище. Обнесенные стенами города или просто крупные поселения, представлявшие собой укрепленное убежище того или иного племени, располагались на вершинах многочисленных холмов. Равнины были усеяны множеством мелких деревушек. Большие дома, выстроенные из досок и плетней, старательно покрывали тростником. Летом поля золотились от жита. От города к городу тянулись дороги. Через реки были переброшены грубо сделанные мосты; под ними спешили по своим делам баржи, груженные всевозможным товаром. Корабли, хотя и неуклюжие, но превосходившие по размерам все суда Средиземноморья, отважно боролись со штормами Бискайского залива и доставляли грузы от пристаней Бретани к побережьям Британии и обратно. За транспортировку товаров на далекие расстояния по воде вносили пошлину, и, именно взяв на откуп их сбор, знать сколотила большую часть своих богатств. В каждом племени чеканили свою монету. Писать греческими и латинскими буквами умели отнюдь не только жрецы. Эдуицы знали искусство лужения и омеднения. Рудокопы Аквитании, Оверна и Берри славились своим мастерством. Вообще в своем материальном благосостоянии народы Галлии, с тех пор как их предки впервые столкнулись с Римом, прыгнули далеко вперед»³⁰.

Слабость кельтской стратегии

И тем не менее, кельтская цивилизация, во многих отношениях столь привлекательная и многообещающая, очевидно, несла в себе некий изъян, недочет, из-за которого кельты не

³⁰ Завоевания Цезаря в Галлии. С. 10, 11. Позволим себе добавить только, что знатные кельты, как и тевтоны, относились к долихоцефалам – то есть головы у них были продолговатыми. Это подтверждают останки, найденные в бассейне Марны, где проживала значительная доля кельтского населения. Один раз был обнаружен целый скелет галльского воина вместе с боевой колесницей, железным шлемом и мечом; теперь находка выставлена в Музее Сен-Жермен. В настоящее время обитатели Британских островов в подавляющем большинстве своем длинноголовы, круглоголовый «альпийский» тип встречается крайне редко. Жители современной Франции круглоголовы. Впрочем, форма головы, как теперь известно, ни в коей мере не может служить отличительным свойством нации. В новом окружении тип быстро меняется, как показывают обследования потомков американских иммигрантов.

смогли выстоять в борьбе против греко-римского античного мира и сдержать натиск грубой юной силы германских племен. Давайте попробуем выяснить, в чем здесь было дело.

Классическое государство

В основе успеха народов классической античности лежало представление об общественном устройстве (????? *res publica*) как о некоей божественной сущности, фундаменте, на котором зиждется благополучие людей, осененном достоинствами древности, но обновляющемся с каждым поколением. Этой силе любой из людей мог служить с восторгом, зная, что, даже если преданное его служение и не будет запечатлено на скрижалях, все же плоды этого служения переживут его самого и станут частичкой славы его родного города или отечества на все будущие времена. Поэтому Сократ, когда друзья предлагали ему спастись от смертного приговора, бежав из тюрьмы, укорял их за то, что они подговаривали его нарушить законы родной страны. Ибо отечество, говорил он, каждый человек должен почитать больше отца и матери, и каждый обязан соблюдать законы, под защитой которых прожил всю свою жизнь, или же он навлечет на себя справедливый гнев их великих братьев – законов Подземного мира, по которым умерший будет отвечать за свое поведение на земле. В большей или меньшей степени, но это возвышенное представление о государстве было, по сути, религией любого грека или римлянина классической эпохи; оно и придавало политическим объединениям устойчивость, цельность и способность к развитию.

Германская верность

Германцев сплачивала другая сила, которая, смешавшись с греко-римским поклонением государству и зачастую доминируя над ним, стала основой для формирования европейских наций. Речь идет о личной преданности вождю, которая очень быстро переросла в преданность королевской династии. Это чувство, которое немцы называют *Treue*, коренящееся глубоко в натуре германца, как никакое другое, способно стать источником величайшего самопожертвования.

Религия кельтов

В человеческой душе все смешано, и личная преданность не была абсолютно чужда народам античности. Гражданский патриотизм, хотя и долго приживался среди германцев, в конце концов прочно утвердился в их среде. Ни то ни другое не было уж вовсе не знакомо кельтским племенам, но здесь действовала иная сила, по сравнению с которой все прочее блекло; она-то и обеспечивала единство и общность политической стратегии. Это была религия; возможно, следует даже сказать «клерикализм», принимая во внимание существование четкой религиозной догматики и жреческой касты, занимавшейся обрядовой стороной веры. Друиды, как мы уже узнали от Цезаря, чьи наблюдения подтверждают Страбон, а также сами ирландские предания³¹, представляли собой реальную верховную власть в кельтских землях. Влияние их простиралось на все области жизни, как общественной, так и частной, и хотя действенность их приговоров, как и в случае со средневековыми интердиктами католической церкви, зиждилась лишь на народных суевериях, тем не менее они могли

³¹ Например, в «Похищении быка из Куальнге» король Ульстера не должен был заговаривать с посланцем, пока его не спросит друид Катбад. Так и хочется припомнить строчки из поэмы Самуэля Фергюсона «Конгал»: Ибо и поныне, с тех пор, как Катбад Уснеха у трясин у сынов поверг, что заклинанием отверз у Красной ветви врат, бесчестье и позор на королях лежат. (Перевод Г.М. Северской)

сокрушить самый гордый дух. В этом и заключалась слабость Кельтики. Возможно, один из самых наглядных уроков истории состоит в том, что народы, которыми управляют священнослужители, чей авторитет держится силой сверхъестественного, неспособны к прогрессу. Свободное, естественное развитие светских институтов, социальной жизни и культуры по определению несовместимо с такого рода властью. Какова бы ни была религия – будь то друидизм, ислам, иудаизм, христианство, фетишизм, – священство, заявляющее о своем праве решать проблемы брэнного мира, данном ему некими сверхчеловеческими авторитетами, неизбежно становится врагом того критического, рационального образа мыслей, который необходим для успешного развития науки.

Проклятие Тары

Уникальное в своем роде и весьма убедительное подтверждение этой истины можно почерпнуть в древней истории кельтского мира. В VI в. н. э., примерно через сотню лет после христианской проповеди святого Патрика, в Ирландии правил Диармайд Мак Кербалл. Он был верховный король, резиденцией его служила Тара в области Мит; его номинальное главенство над королями пяти провинций и верховная законодательная власть воплощали собой первый шаг ирландского народа к национальному единству. Первым условием такого единства является формирование единого централизованного правления. Это правление олицетворял, по крайней мере в теории, верховный король. Вышло так, что один из слуг Диармайда был убит неким знатным человеком по имени Хуг Гуайре. Гуайре был братом епископа – воспитанника святого Руадана, и, когда Диармайд послал своих людей арестовать убийцу, духовные отцы спрятали преступника у себя. Однако Диармайд решился отыскать его во что бы то ни стало, обнаружил в монастыре святого Руадана и привел в Тару на суд. Тут же все священнослужители Ирландии объединились против светского правителя, посмеявшегося творить суд над преступником, который находился под защитой духовных лиц. Они собрались в Таре и принялись поститься³², предавая проклятию короля и его столицу. Тогда, как сообщает нам рассказчик, жене Диармайда приснился пророческий сон:

«На лугу Тары стоит огромное дерево с широкими листьями, и одиннадцать рабов пытаются срубить его; но каждая щепка, которую они откалывают, возвращается на свое место и прирастает; наконец появляется человек и единожды ударяет по дереву, и оно падает от этого единственного удара».

Прекрасным деревом была ирландская монархия, двенадцатью рубившими – двенадцать «апостолов» Ирландии, а срубил дерево святой Руадан. Слова короля, просившего за свою страну, судьба которой, как он понял, висит на волоске, воссозданы ирландским хронистом с удивительной силой и живостью³³.

«Увы мне, – молвил он, – ибо жестока и несправедлива война, что ведете вы против меня; я вижу, что защищаю благо Ирландии, желая сохранить в ней порядок и королевскую власть; вы же боретесь за непокой Ирландии и ее гибель».

Но Руадан сказал: «Да будет заброшена Тара на веки веков», и страх людей перед церковным проклятием победил. Преступника освободили, Тара опустела, и до прихода завоевателей Ирландия не видела эффективного светского правления, исключая период, когда трон оказался в руках могущественного узурпатора Бриана Бору. Последние слова цитиру-

³² Как и в Индии, в Ирландии существовал обычай, согласно которому человек, несправедливо обиженный кем-то из власть имущих, садился на пороге дома своего обидчика и голодал до тех пор, пока тот не исполнял требуемое. В Ирландии подобному действию приписывалась магическая сила, влияние которой могло быть нейтрализовано только другим человеком, постившимся точно так же.

³³ Здесь цитируется текст, содержащийся в пергаменте XV в., найденном в 1814 г. в Лисморском замке, и приписываемый одному из верных слуг Диармайда.

емого нами источника – вопль отчаяния Диармайда: «Горе тому, кто вступает в сражение с клириками».

Мы обсуждаем этот эпизод столь подобно потому, что в нем отражено явление, оказавшее огромное влияние на весь ход истории кельтских народов, насколько мы можем проследить ее сквозь вереницу значимых событий, начиная со времен Юлия Цезаря и до сегодняшнего дня. В чем его истоки, мы обсудим позднее; теперь достаточно обратить на него внимание, поскольку именно этот фактор воспрепятствовал развитию кельтской нации в том плане, в каком можно говорить об этом применительно к народам классической античности или к германцам.

Чем Европа обязана кельтам

И тем не менее, ошибкой будет полагать, что кельты не оказали никакого влияния на Европу. Вклад их в культуру западного мира весьма обширен. Около четырехсот лет – примерно с 500-го по 900 г. н. э. – Ирландия была единственным оплотом учености, чье влияние в области литературы и философии распространялось на пол-Европы. Стиховые формы кельтской поэзии сыграли, пожалуй, основополагающую роль в формировании структуры современного стиха, а предания ирландцев, шотландцев и валлийцев давали пищу воображению многих и многих обитателей материка. Кельты не создали масштабной целостной литературы, как не создали стабильного государственного объединения. Их мышление было субъективным и конкретным. Все, любой предмет или явление, накладывало живой отпечаток на их души и глубоко трогало их; они были чувствительны и впечатлительны до крайности, но они не умели оценивать эти явления и вещи в более широкой перспективе. Они не умели служить идее и создавать общественные институты и нормы права; но они были и остаются незаменимыми и стойкими защитниками гуманности, человечности от деспотизма мертвых идей и от холодной жестокости правовых норм. Институт монархии и идеи гражданского патриотизма равно способны превратиться в голую выхолощенную формулу, сковывая, а не питая душу. Кельты всегда восставали против всего, что не несло в себе дыхания жизни, против чисто внешних, мертвых форм правления. Они чересчур спешили наслаждаться прекрасными плодами, не умея долго и тщательно возделывать сад; и все же они сослужили и еще сослужат великую службу современному миру, ибо знают, что подлинным цветом жизни является духовная реальность и забвение этой истины в механическом чреве материальной цивилизации не приносит ничего, кроме жгучей боли и чувства утраты.

Глава 2

Религия кельтов. Ирландия и религия кельтов

Мы уже говорили, что из всех кельтских народов ирландцы представляют особый интерес, ибо их культура сохранила и донесла до нас многие особенности культуры древних кельтов. И тем не менее, свою религию даже они не перенесли через провал, отделяющий нас от древности.

Они не просто сменили веру; они отреклись от нее полностью, так что никаких упоминаний не осталось. Святой Патрик, сам кельт, в V в. обративший Ирландию в христианство, оставил нам автобиографическое повествование о своей миссии, документ чрезвычайно интересный, представляющий собой первое письменное свидетельство о христианстве в Британии; однако он не сообщает нам ничего о тех учениях, над которыми одержал победу. Значительно больше мы узнаем о кельтских верованиях от Юлия Цезаря, воспринимавшего их исключительно как посторонний наблюдатель. В обширном корпусе легенд, записанных в известной нам форме в Ирландии, между VII и XII столетиями, хотя они зачастую восходят явно к дохристианскому источнику, не содержится, помимо ссылок на веру в магию и существование неких официальных ритуалов, никаких сведений о религиозной или хотя бы нравственно-этической системе древних кельтов. Мы знаем, что отдельные представители знати и барды долго сопротивлялись новой вере, и это противостояние разрешилось в VI в. в битве у Моро, но никаких следов полемики, ничего, что свидетельствовало бы о борьбе двух учений, которую отражают, к примеру, описания споров Цельса и Оригена, до нас не дошло. Как мы увидим, литература средневековой Ирландии содержит в себе многочисленные отзвуки древних мифов, там появляются тени существ, которые в свое время, несомненно, были богами или воплощениями стихий; но религиозное содержание этих историй выхолощено, и они превратились просто в красивые повести. И тем не менее, не только Галлия обладала, о чем свидетельствует Цезарь, собственным развитым вероучением, как мы узнаем из того же источника, Британские острова представляли собой центр кельтской религии, были, так сказать, кельтским Римом.

Давайте попробуем описать в общих чертах эту религию, прежде чем переходить к разговору о мифах и легендах, ею порожденных.

Народная религия кельтов

Но прежде следует подчеркнуть, что религия кельтов, конечно, была сложным образованием, и ее нельзя ни в коем случае сводить к тому, что мы называем друидизмом. Помимо официальной доктрины в ней присутствовали верования и предрассудки, явившиеся из источника более глубокого и более древнего, нежели друидизм, которым было суждено надолго пережить его, – и по сей день нельзя говорить об их полном исчезновении.

Народ мегалитов³⁴

Религии примитивных народностей по большей части вырастают из обрядов и практик, связанных с погребением мертвых. Мы не знаем ни имени, ни истории древнейшего из известных народов, населявших «кельтские» территории в Западной Европе, но, благодаря

³⁴ Необходимо заметить, что изложенная здесь концепция «народа мегалитов» в настоящее время полностью отвергнута археологами. (*Примеч. пер.*)

многочисленным сохранившимся захоронениям, можем сказать о них довольно много. Это был так называемый народ мегалита, строивший дольмены, кромлехи и курганы с погребальными камерами, которых в одной только Франции насчитывается более трех тысяч. Дольмены имеются на юге Скандинавии и южнее на всем западном побережье Европы вплоть до Гибралтарского пролива и на средиземноморском побережье Испании. Они обнаружены также на некоторых западных островах Средиземного моря и в Греции, а именно в Микенах, где рядом с великолепным погребением в Атрейдах еще возвышается древний дольмен. Грубо говоря, если мы проведем линию от устья Роны на север, к Варангер-фьорду, то все дольмены, исключая несколько средиземноморских, окажутся к западу от этой линии. К востоку до самой Азии мы не встретим ни одного. Однако, переправившись через Гибралтарский пролив, мы обнаруживаем их на всем североафриканском побережье, а также на востоке – в Аравии, Индии и даже в Японии.

Дольмены, кромлехи и курганы

Следует пояснить, что дольмен – это нечто вроде дома, стены которого – прямостоящие необработанные камни, а крыша – обычно цельный огромный камень. Строение в плане зачастую имеет форму клина, часто можно обнаружить намеки на своего рода «крыльцо». Изначальное предназначение дольмена – служить обиталищем для мертвых. Кромлех³⁵ (который в обиходном языке нередко смешивают с дольменом) – это, собственно, круг из стоячих камней, в центре которого иногда помещается дольмен. Считается, что большинство, если не все известные дольмены прежде были скрыты под насыпью из земли или меньших камней. Иногда, как, например, в Карнаке (Бретань), отдельные стоячие камни образуют целые аллеи; очевидно, они в данной местности выполняли некую ритуально-богослужбную функцию. Поздние памятники, как, скажем, в Стоунхендже, могут складываться из обработанных камней, но, так или иначе, грубость сооружения в целом, отсутствие скульптурных и каких-либо украшений (помимо орнаментов или просто отдельных символов, высеченных на поверхности), явное желание произвести впечатление за счет нагромождения огромных глыб, равно как и некоторые другие черты, о которых пойдет речь в дальнейшем, сближают все эти постройки и отличают их от гробниц древних греков, египтян и других более развитых народов. Дольмены в собственном смысле слова в конце концов уступают место огромным курганам с погребальными камерами, как в Нью-Грэйндж, которые тоже считаются делом рук народа мегалитов. Эти курганы естественным образом возникли из дольменов. Первые строители дольменов принадлежали к эпохе неолита и пользовались орудиями из полированного камня. Но в курганах находят не только каменные, но также бронзовые и даже железные орудия – сперва, очевидно, привозные, но потом появляются и изделия местного производства.

Происхождение народа мегалитов

О языке, на котором говорил этот народ, можно судить лишь по следам его в языке завоевателей – кельтов. Но карта распределения памятников неопровержимо свидетельствует в пользу того, что их создатели явились из Северной Африки; что они сперва не умели путешествовать по морю на длительные расстояния и шли на запад вдоль побережья Северной Африки, после чего перебрались в Европу там, где Средиземное море у Гибралтара сужается до

³⁵ Неточность автора – кромлехом, как следует из самого его названия, называют отнюдь не круг из камней, а одиночный стоящий наклонно камень. (Примеч. пер.)

Дольмен в Пролике, Ирландия размеров узкого пролива шириной всего в несколько миль, и оттуда расселились по западным областям Европы, включая Британские острова, а на востоке они через Аравию прошли в Азию. Следует, однако, помнить, что, будучи изначально, вне всякого сомнения, особой расой, по прошествии времени народ мегалита обладал уже не расовым, а лишь культурным единством. Это со всей очевидностью доказывают человеческие останки, обнаруженные в гробницах, точнее, разнообразие форм их черепов³⁶. Археологические находки характеризуют строителей дольменов в целом как представителей высокоразвитой для своего времени цивилизации, знакомых с земледелием, скотоводством и до определенной степени с морскими плаваниями. Сами памятники, зачастую впечатляющих размеров, требовавшие при своем возведении обдуманных и организованных усилий, явно говорят о существовании в то время жречества, заботившегося о погребениях и способного контролировать значительные группы людей. Умерших, как правило, не сжигали, а хоронили в целости – впечатляющие монументы, очевидно, отмечают места захоронений важных особ, от могил простых людей до нас не дошло никаких следов.

Равнинные кельты

Де Жюбенвилль в своем очерке древней истории кельтов говорит лишь о двух основных племенах – кельтах и народе мегалита. Но А. Бертран в своей прекрасной работе «Религия галлов» («*La Religion des Gaulois*») делит самих кельтов на две группы: обитателей низин и горцев. Равнинные кельты, согласно его точке зрения, покинули Дунай и пришли в Галлию примерно около 1200 г. до н. э. Они основали озерные поселения в Швейцарии, в бассейне Дуная и в Ирландии. Они знали металл, умели работать с золотом, оловом, бронзой, а к концу периода научились обрабатывать железо. В отличие от народа мегалита, они говорили на кельтском языке, хотя Бертран как будто сомневается, что они принадлежали к кельтской расе. Они, скорее, были кельтизированы, не будучи кельтами. Этот мирный народ земледельцев, скотоводов и ремесленников не любил воевать. Они сжигали своих умерших, а не хоронили их. В одном крупном поселении – в Голасекке, в Цизальпинской Галлии, – нашли 6000 погребений. Везде, без какого-либо исключения, тела были предварительно кремированы.

Этот народ, согласно Бертрану, не ворвался в Галлию на правах завоевателей, но постепенно просочился туда, селясь на свободных участках посреди долин и полей. Они прошли альпийскими перевалами, пустившись в путь из окрестностей Верхнего Дуная, который, по словам Геродота, «рождается среди кельтов». Пришельцы мирно слились с местными обитателями – народом мегалита, и при этом не появилось ни одного из тех развитых политических институтов, которые рождаются лишь с войной, но не исключено, что именно эти равнинные племена внесли основной вклад в развитие друидической религии и поэзии бардов.

³⁶ См. «Дольмены Ирландии» Борласа, где обсуждается этот вопрос.

Кельты гор

Наконец мы подошли к третьему, собственно кельтскому, племени, которое следовало по пятам за своими предшественниками. В начале VI в. его представители впервые появились на левом берегу Рейна. Второе племя Бертран называет кельтским, это же – галатским, отождествляя их с галатами древних греков и с галлами и белгами римлян.

Как мы уже говорили, второе племя – это кельты равнин. Третье – кельты гор. Впервые мы встречаем их среди хребтов Балкан и Карпат. Их общественная организация представляла собой нечто вроде военной аристократии – жили они за счет дани или грабежа подчиненного населения. Это – войнолюбивые кельты древней истории, опустошившие Рим и Дельфы, наемники, сражавшиеся в рядах карфагенской, а позднее и римской армии ради денег и из любви к боям. Они презирали земледелие и ремесло, поля у них возделывали женщины, и под их властью простонародье превращалось почти в рабов, как сообщает нам Цезарь. Только в Ирландии давление со стороны военной аристократии и возникавшее в связи с этим резкое разграничение сословий просматриваются не столь отчетливо, но даже и здесь мы обнаруживаем ситуацию во многом сродни ситуации в Галлии: здесь также существовали свободные и несвободные племена, а правящая элита действовала жестоко и несправедливо.

И тем не менее, хотя эти властители обладали пороками, порожденными сознанием собственного могущества, они отличались также и многими прекрасными, достойными качествами. Они были ошеломляюще бесстрашны, фантастически благородны, остро чувствовали очарование поэзии, музыки, отвлеченных рассуждений. Посидоний указывает, что около 100 г. до н. э. у них существовала процветающая коллегия поэтов-бардов, а примерно двумя столетиями раньше Гекатей из Абдеры сообщает о музыкальных празднествах, устраиваемых кельтами на некоем западном острове (вероятно, в Великобритании) в честь бога Аполлона (Луга). Они были арийцы из арийцев, и в этом заключалась их сила и способность к прогрессу; но друидизм – не в плане философском, научном, а из-за власти жречества, подчинившей себе политическую структуру общества, – оказался их проклятием; они преклонились перед друидами, и в этом обнаружилась их роковая слабость.

Культура этих горных кельтов заметно отличалась от культуры их равнинных собратьев. Они жили в веке железа, а не бронзы; они не сжигали своих мертвецов, полагая это неуважением, но хоронили их.

Горные кельты захватили Швейцарию, Бургундию, Пфальц и Северную Францию, часть Британии на западе и Иллирию с Галатией на востоке, но небольшие их группки расселялись по всей кельтской территории, и, куда бы они ни направились, они занимали положение вождей.

Цезарь говорит, что Галлию в его времена населяли три племени, и «все они разнятся друг от друга языком, учреждениями и законами»³⁷. Эти племена он называет белгами, кельтами и аквитанами. Он помещает белгов на северо-востоке, кельтов в центре, аквитанов – на юго-западе. Белги – это галаты Бертрана, кельты – кельты, а аквитаны – это народ мегалита. Все они, конечно, в большей или меньшей степени подпали под кельтское влияние, и разница в языках, которую отмечает Цезарь, едва ли была особенно велика; и все же стоит отметить – деталь, вполне согласующаяся со взглядами Бертрана, – что Страбон утверждает, будто аквитаны заметно отличались от прочих и походили на иберийцев. Он добавляет, что другие народы Галлии говорили на диалектах одного языка.

³⁷ Записки о Галльской войне, I, 1.

Магическая религия

Следы такого тройного деления так или иначе сохранялись во всех кельтских странах, о чем непременно следует помнить, когда мы говорим о кельтском мышлении и кельтской религии и пытаемся оценивать вклад кельтских народов в европейскую культуру. Мифология и искусство, по-видимому, возникли среди тех, кого Бертран называет жителями низин. Но эти песни и саги барды слагали, дабы развлекать гордых, благородных и воинственных аристократов, и потому в них не могут не выражаться идеи этих аристократов. Но кроме того, эти произведения окрашивали верования и религиозные представления, рожденные среди народа мегалита, – верования, которые лишь теперь постепенно отступают перед всепроникающим светом науки. Суть их можно выразить в одном слове: магия. Нам стоит обсудить вкратце природу этой магической религии, ибо она сыграла немалую роль в формировании корпуса легенд и мифов, о котором пойдет речь дальше. Кроме того, как заметил профессор Бери в своей лекции, прочитанной в Кембридже в 1903 г.: «Чтобы исследовать сложнейшую из всех проблем – проблему этническую, чтобы оценить роль определенной расы в развитии народов и последствия расового смешения, надо помнить, что кельтская цивилизация служит теми воротами, что открывают нам путь в тот таинственный доарийский предмир, от которого, возможно, мы, современные европейцы, получили в наследство значительно больше, чем нам теперь представляется».

Происхождение термина «магия» точно неизвестно, но, вероятно, он возник из слова «маги», самоназвания жрецов Халдеи и Мидии в доарийские и досемитские времена; эти жрецы были типичными представителями рассматриваемой нами системы мышления, соединившей в себе суеверие, философию и научные наблюдения. Основа магии – мысль о том, что вся природа насквозь пронизана незримой, духовной энергией. Эту энергию воспринимали иначе, нежели в политеизме, – не как нечто отдельное от природы и воплощающееся в неких божественных существах. Она присутствует в природе имплицитно, имманентно; темная, беспредельная, она внушает благоговение и трепет, как сила, природа и границы которой окутаны непроницаемой тайной. Изначально магия была, как свидетельствуют, по-видимому, многие факты, связана с культом мертвых, ибо смерть считали возвращением к природе, когда духовная энергия, прежде облеченная в конкретную, ограниченную, управляемую и потому менее пугающую форму человеческой личности, теперь приобретает власть бесконечную и неконтролируемую. Впрочем, не совсем неконтролируемую. Жажда управлять этой силой, равно как представление о средствах, нужных для этой цели, родились, вероятно, из первых примитивных опытов исцеления. Одной из наидревнейших потребностей человека была потребность в лекарствах. И вполне вероятно, что способность известных природных, минеральных или растительных, веществ производить определенное воздействие, зачастую пугающее, на тело и сознание человека, воспринималась как очевидное подтверждение того понимания Вселенной, которое мы можем назвать «магическим»³⁸. Первыми магами стали те, кто научился лучше других разбираться в лечебных или ядовитых травах; но со временем появилось, частью на почве действительных исследований, частью – поэтического воображения, частью – искусства священнослужителей, нечто вроде колдовской науки. Знание особых свойств, приписываемых любому объекту и явлению природы, воплотилось в обрядах и формулах, было привязано к определенным местам и предметам и выражено в символах. Рассуждения Плиния о магии настолько любопытны, что стоит привести их здесь практически полностью.

³⁸ Отсюда греческое «pharmakon» – «лекарство», «яд» или «чары»; автору известно, что в Центральной Африке колдовство или чары называют «tankwala», словом, обозначающим также лекарство.

Плиний о магической религии

«Магия – это одна из немногих вещей, о которых необходим продолжительный разговор, и лишь потому, что, будучи самым обманчивым из искусств, она всегда и везде пользовалась самым безусловным доверием. Пусть нас не удивляет, что она приобрела столь обширное влияние, ибо она соединила в себе три искусства, более всего волнующих человеческого дух. Изначально появившись из Медицины, в чем никто не может сомневаться, она, прикрываясь заботой о нашем теле, прибрала в свои руки и душу, приняв обличье более священного и глубинного духовного целительства. Во-вторых, обещая людям самое приятное и соблазнительное, приписала себе заслуги Религии, по поводу которых в человеческих умах и по сей день нет ясности. И дабы увенчать все это, она прибегла к Астрологии; ведь каждый желает знать будущее и убежден, что такое знание вернее всего получить от небес. И так, заковав человеческий разум в эти тройные оковы, она простерла свою власть над множеством народов, и цари царей поклоняются ей на Востоке.

На Востоке конечно же она и возникла – в Персии, и создал ее Зороастр³⁹. В этом согласны все знающие люди. Но только ли Зороастр?... Я уже отмечал, что в древности, да и в другие времена, нетрудно обнаружить людей, видевших в магии вершину учености – по крайней мере, Пифагор, Эмпедокл, Демокрит и Платон пересекали моря и, будучи скорее изгнанниками, нежели путешественниками, стремились изучить магическую премудрость. Вернувшись, они всячески превозносили магию и ее тайное учение. <...> У латинян в древности можно найти следы ее, например в наших Законах двенадцати таблиц⁴⁰ и в других памятниках, о чем я уже сказал в предыдущей книге. В действительности только в 657 г. от основания Рима, при консульстве Корнелия Лентула Красса, сенат запретил человеческие жертвоприношения; это доказывает, что вплоть до того времени подобные ужасные обряды могли совершаться. Галлы исполняли их до наших дней, ибо только император Тиберий призвал к порядку друидов и всю орду пророков и знахарей. Но что пользы издавать запреты на искусство, уже перебравшееся через океан и подступившее к самым границам Природы?» (Historia Naturalis, XXX.)

Плиний добавляет, что, насколько ему известно, первым человеком, написавшим сочинение о магии, был некто Остган, соратник Ксеркса в войне с греками, сеявший «семена своего чудовищного искусства» по всей Европе, куда бы он ни пошел.

Магия, как полагал Плиний, изначально чужда грекам и италийцам, но зато повсеместно распространена в Британии; система ритуалов здесь настолько развита, что, по словам нашего автора, кажется, будто британцы обучили этому искусству персов, а не персы – их.

Следы магических верований, оставшиеся в памятниках мегалита

Впечатляющие руины культовых сооружений, оставленные нам народом мегалита, говорят нам немало о религии их создателей. Возьмем, например, любопытный курган в Ман-э-Ойк, в Бретани. Рене Галль, исследовавший этот памятник в 1864 г., засвидетельство-

³⁹ Если Плиний имеет в виду, что усилиями Зороастра основы магии были впервые зафиксированы в четкой форме, он, может быть, и прав, но представления, на которых она основывается, практически универсальны и уходят корнями в незапамятную древность.

⁴⁰ Приняты в 451 г. до н. э. Ливии называет их «источник всего общественного и частного права». Плита, на которой был высечен их текст, стояла на Форуме вплоть до III в. н. э., но затем ее разбили. От законов остались лишь отрывки, сохранившиеся в составе разных комментариев.

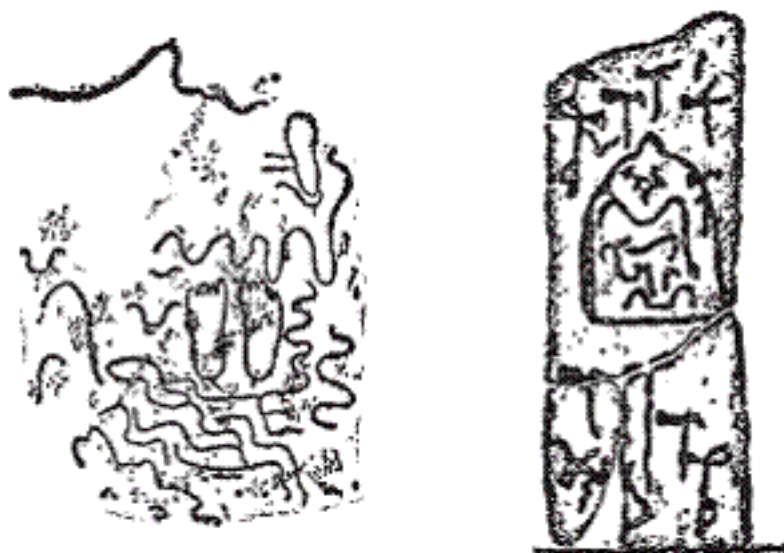
вал, что он сохранился в неприкосновенности – земляной покров нетронут, и все осталось так, как было, когда строители покинули священное место. При входе в прямоугольную камеру стояла каменная плита, на которой был выгравирован таинственный знак – вероятно, тотем вождя. Сразу за порогом археологи обнаружили красивую подвеску из зеленой яшмы, размером приблизительно с яйцо. В центре помещения на полу лежало более замысловатое украшение – большое, слегка вытянутое кольцо из жадеита и топор, тоже из жадеита, лезвие которого покоилось на кольце. Топор – общеизвестный символ власти, он часто встречается в наскальных изображениях бронзового века, египетских иероглифах и минойских рельефах и т. д. На небольшом расстоянии от них располагались две крупные яшмовые подвески, затем топор из белого нефрита⁴¹, затем еще одна яшмовая подвеска. Все эти предметы размещались точно по диагонали камеры, направленной с северо-запада на юго-восток. В одном из углов были сложены топоры из жадеита, нефрита и фибrolита – всего 101 образец. Никаких останков костей или пепла или погребальной урны археологи не нашли; сооружение представляло собой кенотаф. «Не приоткрывается ли нам здесь, – вопрошает Бертран, – некая церемония, основанная на магических практиках?»

Хиромантия в Гавр-Инис

По поводу погребения в Гавр-Инис смотритель Музея древних народов Альбер Метр сделал весьма любопытное наблюдение. Там было найдено – как и в составе других мегалитических памятников в Ирландии и Шотландии – множество камней, украшенных исключительно своеобразным орнаментом из волнистых и концентрических кругов и спиралей. Если странные узоры на человеческой ладони у оснований и на кончиках пальцев рассмотреть под лупой, обнаружится, что узоры на камнях очень их напоминают. Линии на ладони настолько своеобразны, что, как известно, их используют для идентификации преступников. Может ли обнаруженное сходство быть случайным? Ничего похожего на эти узоры не встречается ни в каких других местах. Не следует ли здесь вспомнить о хиромантии – магическом искусстве, широко распространенном в древности, да и в наши дни? Ладонь как символ власти – известный магический знак, вошедший даже в состав христианской символики: достаточно вспомнить, например, изображение кисти на обратной стороне одной из перекладин креста Муйредаха в Монастербойке.

⁴¹ Месторождения белого нефрита в Европе не встречаются; его можно обнаружить только в Китае.

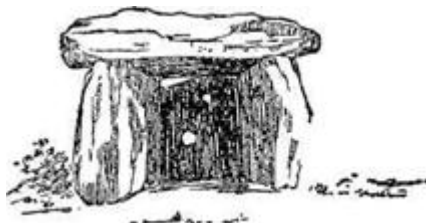
Камни из Бретани с высеченными символами двух ступней, топорами, отпечатками ладоней и пальцев

Камни с отверстиями

Другая интересная и еще не объясненная черта многих из этих памятников, от Западной Европы до Индии, – наличие в одном из камней, составляющих камеру, маленького отверстия. Предназначалось ли оно для духа покойника, или для приношений ему, или это был путь, по которому жрецу или магу могли прийти откровения из мира духов, или оно совмещало в себе все эти функции? Общеизвестно, что камни с отверстиями – это самая распространенная из реликвий древних культов, и их до сих пор почитают и применяют в магических практиках, связанных с родами и т. д. Очевидно, отверстия следует толковать именно как сексуальный символ.

Поклонение камням

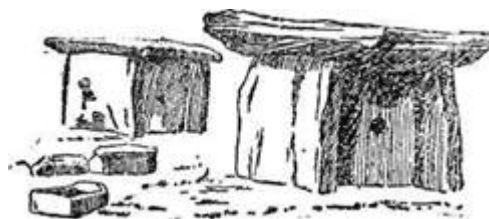
Не только небесные светила, но и реки, деревья, горы и камни – все становилось предметом поклонения для этого первобытного народа.

Дольмен в Три, Франция

Почитание камней было особенно распространено, и его не так легко объяснить, как почитание живых и движущихся объектов. Возможно, дело здесь в том, что огромные отдельные глыбы необработанного камня походили на искусственно созданные дольмены

и кромлехи⁴². Это суеверие оказалось исключительно живучим. В 452 г. н. э. собор в Арле осудил тех, кто «почитает деревья, источники и камни», подобную практику порицали Карл Великий и многочисленные церковные соборы вплоть до самых недавних времен. Более того, рисунок, сделанный с натуры Артуром Беллом и воспроизводимый здесь, свидетельствует, что в Бретани еще и теперь существуют обряды, в которых христианская символика и ритуал служат прикрытием самому маховому язычеству. Согласно сообщению мистера Белла, священники с большой неохотой принимают участие в таких обрядах, но их вынуждает к этому давление общественного мнения. Святые источники, вода из которых считается целебной, до сих пор вещь совершенно обычная в Ирландии, а в качестве аналогичного примера на материке следует упомянуть священные воды Лурда; правда, последний культ утвержден церковью.

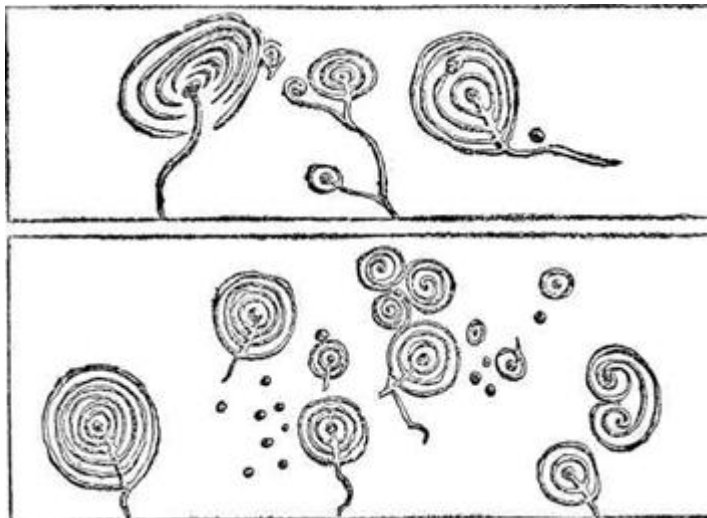
Дольмены в Декане, Индия

Ямки и круги

В связи с мегалитическими памятниками необходимо вспомнить и о другом любопытном орнаменте, значение которого пока неясно. В поверхности камня сделаны круглые углубления, причем часто их обрамляют концентрические линии, и от ямки за пределы окружностей отходит одна или несколько черточек-радиусов. Иногда эти черточки соединяют углубления, но чаще они лишь слегка выходят за пределы самого широкого из кругов. Эти странные знаки обнаружены в Великобритании и Ирландии, в Бретани и кое-где в Индии, где их называют *mahadeos*. Кроме того, я обнаружил любопытный образец – или, по крайней мере, он таковым кажется – в «Памятниках Новой Испании» Дюпуа. Эта иллюстрация воспроизведена в «Древностях Мексики» («*Antiquities of Mexico*») лорда Кингсборо, т. 4. На круглой верхушке цилиндрического камня, известного как «Триумфальный камень», в центре высечена ямка, вокруг которой расположено девять концентрических кругов, и от углубления через все эти круги до самого края проведена борозда. Этот рисунок сильно напоминает типичные европейские узоры из ямок и кругов, правда, он исполнен более аккуратно. Едва ли можно сомневаться, что эти орнаменты что-то значат, и, мало того, где бы они ни были найдены, они значат одно и то же; но что – остается загадкой. Рискнем предположить, что это нечто вроде плана гробницы. Центральная выемка обозначает собственно место захоронения. Круги – это стоячие камни, рвы и валы, обычно его окружающие, а линия или бороздка, идущая от центра наружу, – подземный ход в погребальную камеру. Из рисунков, приведенных ниже, становится очевидна эта функция «прохода», которую выполняла бороздка. Поскольку гробница представляла собой одновременно святыню, вполне естественно, что ее изображение входит в число священных знаков; возможно, его присутствие

⁴² Впрочем, почитали также и маленькие камешки, кристаллы и самоцветы. Во время Второй Пунической войны в Пергам за знаменитым Черным камнем отправилось римское посольство, так как сивиллины книги предсказали победу тому, кто будет владеть им. Он был торжественно внесен в Рим в 205 г. Сообщается, что камень был размером с кулак взрослого мужчины; по-видимому, он представлял собой метеорит. Ср. у Гесиода миф о том, как Кронос пожрал камень, приняв его за своего отпрыска, Зевса. Значит, можно было по ошибке принять камень за бога.

указывало, что данное место сакрально. Насколько это предположение оправдано в случае Мексики, сказать сложно.

Ямки и круги из Шотландии

Курган в Нью-Грэйндж

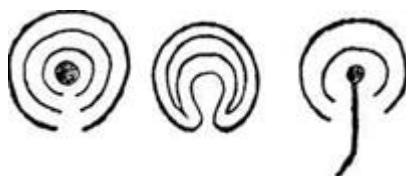
Один из самых значимых и крупных мегалитических памятников в Европе – большой курган в Нью-Грэйндж, на северном берегу ирландской реки Бойн. Этот курган и другие, соседние с ним, фигурируют в древнеирландских мифах в двух качествах, сочетание которых само по себе весьма любопытно. С одной стороны, их считают обиталищами сидов (в современном произношении ши), или народа фэйри, – вероятно, так стали восприниматься божества древней Ирландии, и с другой – согласно традиции, здесь похоронены верховные короли языческой Эрин. Рассказ о погребении короля Кормака, который якобы приобщился к христианской вере задолго до того, как Патрик начал проповедовать ее на острове, и который велел, чтобы его ни в коем случае не хоронили у реки Бойн, поскольку это место языческое, заставляет сделать вывод, что Нью-Грэйндж был центром языческого культа, отнюдь не сводившегося к почитанию царственных особ. К несчастью, эти памятники в IX в. были найдены и разграблены данами⁴³, но сохранилось достаточно подтверждений того, что изначально это были погребения, совершенные по обрядам древней религии. Важнейший из них, курган в Нью-Грэйндж, был тщательно исследован и описан мистером Джорджем Кафи, хранителем коллекции кельтских древностей в Национальном музее Дублина. Снаружи он выглядит как большой холм, заросший кустами. Диаметр его в самом широком месте составляет чуть меньше 100 метров, высота – около 13,5 метра. Его обрамляет круг из стоячих камней, которых изначально было, по-видимому, тридцать пять. Внутри этого круга находятся ров и вал, и поверху этого вала расположен бордюр из крупных каменных глыб, положенных на ребро, от 2,4 до 3 метров в длину. Сам холм реально представляет собой кайрн, ныне заросший, как уже было сказано, травой и кустами. Самое интересное заключается внутри кайрна. В конце XVII в. рабочие, выбиравшие из холма камень для строительства дорог, обнаружили коридор, ведущий вовнутрь; они заметили также, что плита у входа густо испещрена спиралями и ромбами. Вход обращен точно на юго-восток. Стены коридора сложены из прямостоящих глыб необработанного камня и перекрыты такими же глыбами;

⁴³ Об этом свидетельствуют записи в «Анналах четырех мастеров» под 861 г. и в «Анналах Ульстера» под 862-м.

высота его меняется приблизительно от 1,5 до 2,3 метра; ширина его чуть меньше 1 метра, а протяженность – около 19. Заканчивается он в крестообразной камере 6 метров в высоту, сводчатый потолок которой сделан из крупных плоских камней, наклоненных вовнутрь и почти соприкасающихся наверху. Их перекрывает большая плита. В каждом из трех концов крестообразного помещения стоит нечто вроде огромного грубого каменного саркофага, но нет никаких следов захоронения.

Символические узоры в Нью-Грэндж

Все эти камни совершенно не обработаны и явно были взяты со дна реки или еще откуда-нибудь поблизости. На их плоских гранях имеются рисунки, представляющие особый интерес. Если не брать большой камень со спиралью у входа, едва ли эти рисунки должны были служить украшениями, разве что в самом грубом и примитивном смысле. В этих рисунках не прослеживается стремления создать декор, подходящий к размеру и форме поверхности. Узоры процарапаны на стенах кое-где и кое-как⁴⁴.

Разновидности ямок и кругов

Основным их элементом является спираль. Интересно отметить сходство некоторых из них с предполагаемыми «отпечатками пальцев» в Гавр-Инис. Имеются также тройные и двойные спирали, ромбы и зигзагообразные линии. В западной оконечности камеры найден рисунок, напоминающий пальмовую ветвь или лист папоротника. Рисунок вполне натуралистичен, и едва ли возможно согласиться с интерпретацией мистера Кафи – что это часть так называемого узора «рыбья кость». Подобный же пальмовый лист, но с прожилками, под прямым углом отходящими от черенка, найден в соседнем кургане в Дауте, близ Лугкрю, а также – в сочетании со знаком солнца, свастикой – на маленьком алтаре в Пиренеях, зарисованном Бертраном.

Символ корабля в Нью-Грэндж

В западном отделении камеры мы находим и другой примечательный и довольно необычный узор. Разные исследователи видели в нем метку каменщиков, образчик финикийского письма, группу цифр; и, наконец (и, без сомнения, верно), мистер Джордж Кафи предположил, что это грубое изображение корабля с поднятыми парусами и людьми на борту. Заметим, что непосредственно над ним находится маленький кружок, являющийся, очевидно, элементом картинки. Аналогичное изображение имеется в Дауте.

⁴⁴ Следует, однако, заметить, что орнамент в некоторых, а возможно, и во всех случаях был нанесен до установки камня в его нынешнее положение. То же самое характерно и для Гавр-Инис.

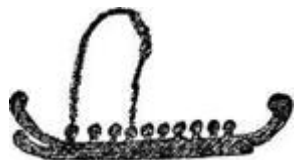
Солнечный корабль (с парусом?) из Нью-Грэйендж, Ирландия

Как мы увидим, рисунок этот может многое прояснить. Обнаружилось, что на некоторых камнях кургана Локмариакер в Бретани имеется множество подобных же орнаментов, причем на одном из них присутствует круг в том же положении, что и на рисунке в Нью-Грэйендж. На этом камне изображен также топор, который у египтян считался иероглифом божественной природы, а кроме того, магическим символом. В работе доктора Оскара Монтелиуса о каменной скульптуре Швеции мы обнаруживаем зарисовку высеченного в камне грубого изображения нескольких кораблей с людьми; над одним из них – круг, разделенный крестом на четыре части, без сомнения, эмблема солнца. Предположение, что кораблям (как и в Ирландии, нарисованным настолько условно-символически, что никто не увидел бы в них конкретного смысла, когда бы ключ не был дан другими, более сложными картинками) солнечный диск сопутствует только в качестве украшения, представляется мне неправдоподобным. Едва ли гробницу, в те времена – средоточие религиозных представлений, стали бы украшать бессмысленными, пустыми рисунками. Как хорошо сказал сэр Джордж Симпсон, «люди всегда соединяли святыню и смерть». Тем более, что никакого намека на декоративность в этих каракулях нет. Но если они задумывались как символы, что они символизируют?

Солнечный корабль из Локмариакера, Бретань

Не исключено, что здесь мы сталкиваемся с комплексом идей более высокого порядка, нежели магия. Наше предположение может показаться излишне смелым; тем не менее, как мы увидим, оно вполне согласуется с результатами некоторых других исследований, касающихся происхождения и характера культуры мегалита. Будучи принято, оно сообщит значительно большую определенность нашим представлениям о взаимоотношениях народа мегалита с обитателями Северной Африки, а также о природе друидизма и связанных с ним учений. Мне кажется достаточно очевидным, что столь частое появление кораблей и солнца в составе наскальных рисунков в Швеции, Ирландии, Бретани не может быть случайным. А глядя, к примеру, на изображение из Холланда (Швеция), никто не усомнится, что два элемента явно составляют одну картинку.

Корабль с парусом(?) из Риксо

Солнечный корабль из Холланда, Швеция

Изображение корабля (с символом солнца?) из Сконе, Швеция

Символ корабля в Египте

Символ корабля, вместе с или без изображения солнца, является очень древним и часто встречается на египетских гробницах. Он связан с культом Ра, окончательно сформировавшимся за 4000 лет до н. э. Его значение хорошо известно. Это барка солнца, судно, в котором солнечный бог совершает свои плавания – в частности, когда он подплывает к берегам иного мира, везя с собою блаженные души мертвых. Солнечный бог, Ра, иногда бывает изображен в виде диска, иногда в другом виде, парящим над лодкой или находящимся внутри нее. Любой, кто зайдет в Британский музей и посмотрит там на расписанные или украшенные резьбой саркофаги, обнаружит множество картин такого рода. В ряде случаев он увидит, что на лодку и сидящих в ней изливаются животворные лучи Ра. Далее, на одном из наскальных изображений кораблей в Бакке (Богуслен), приведенном у Монтелиуса, под кругом с тремя нисходящими лучами нарисована лодка с человеческими фигурами, а над другим кораблем имеется солнце с двумя лучами. Уместно добавить, что в кургане в Дауте, расположенном неподалеку от Нью-Грэйндж и относящемся к тому же самому периоду, равно как и в Логкрю и в других местах в Ирландии, кружки с лучами и с крестами внутри встречаются в изобилии; кроме того, в Дауте удалось идентифицировать изображение корабля.

Египетская солнечная барка. XXII династия

Египетская солнечная барка; внутри бог Хнум и его спутники

В Египте солнечная барка иногда несет на себе просто изображение солнца, иногда – фигуру бога с сопутствующими божествами, иногда – толпу пассажиров, человеческих душ, иногда – тело, лежащее на носилках. На мегалитических рисунках солнце тоже иногда появляется, а иногда – нет; в ладьях иногда сидят люди, а иногда – нет. Однажды принятый и осознанный символ может воспроизводиться с любой долей условности. Возможно, в полном виде эта мегалитическая эмблема должна выглядеть так: ладья с человеческими фигурами и со знаком солнца наверху. Эти фигуры, если исходить из нашего толкования, изображают мертвых, направляющихся в иной мир. Это не божества, ибо антропоморфные изображения богов оставались неизвестны народу мегалита даже после прихода кельтов – впервые они появляются в Галлии под римским влиянием. Но если это мертвые, тогда перед нами истоки так называемого «кельтского» учения о бессмертии. Рассматриваемые рисунки имеют докельтское происхождение. Они присутствуют и там, куда кельты никогда не добились. Тем не менее они – свидетельство как раз тех представлений об ином мире, которые со времен Цезаря привыкли связывать с учением кельтских друидов и которые явно пришли из Египта.

Египетская солнечная барка; внутри солнечного диска – бог Ра держит крест анх. XIX династия

«Navetas»

В данной связи хотелось бы привлечь внимание читателя к гипотезе У. Борласа, согласно которой типичный ирландский дольмен должен был изображать корабль. В Минорке есть постройки, называемые из-за такого сходства просто «navetas» – «корабли». Но, добавляет У. Борлас, «задолго до того, как я узнал о существовании пещер и navetas в Минорке, у меня сложилось мнение, что то, что я прежде называл «клиновидной формой», восходит к образу ладьи. Как мы знаем, в скандинавских погребальных курганах несколько раз были найдены настоящие корабли. На той же территории, а также на побережье Балтики в железном веке корабль очень часто служил гробницей»⁴⁵. Если гипотеза мистера Борласа верна, мы получаем веское подтверждение символического истолкования, предложенного мною для мегалитических рисунков с лодкой-солнцем.

⁴⁵ Дольмены Ирландии. С. 701–704.

Символ корабля в Вавилонии

Впервые мы встречаемся с символом корабля примерно в 4000 г. до н. э. в Вавилонии, где у каждого бога было собственное судно (барка бога Сина называлась Барка Света); изображения богов несли во время торжественных шествий на носилках в форме ладьи. Джастроу⁴⁶ считает, что этот обычай восходит ко временам, когда священные города Вавилонии располагались на побережье Персидского залива и торжества нередко проводились на воде.

Символ стоп

Есть, однако, причины думать, что некоторые из этих символов существовали раньше, чем любая из известных мифологий, и разные народы, почерпнув их из неведомого ныне источника, по-разному их, так сказать, мифологизировали. Любопытным примером может служить символ двух ступней. Согласно известному египетскому мифу, ступни были одной из тех частей, на которые разрубили тело Осириса. Они являлись своего рода символом власти. В 17-й главе «Книги Мертвых» говорится: «Я пришел на землю и двумя стопами моими получил обладание. Я – Атум». Вообще этот символ стоп или следов распространен чрезвычайно широко. В Индии мы находим отпечатки ног Будды; изображение двух ступней присутствует на дольменах в Бретани и становится элементом скандинавских узоров на камне. В Ирландии существуют рассказы об отпечатках ног святого Патрика или святого Колумбы. Что самое удивительное, этот образ присутствует и в Мексике. Тайлер в своей «Культуре первобытных народов» упоминает о «церемонии ацтеков на Втором празднике в честь бога Солнца Тецкатлипоки; они разбрасывают перед его святилищем муку маиса, а верховный жрец смотрит на нее, пока не увидит божественные следы, и тогда восклицает: «Наш великий бог пришел к нам!»

Символ двух стоп

«АНХ» в составе наскальных рисунков

Мы располагаем еще одним свидетельством связей народа мегалита с Северной Африкой. Серги указывает, что знаки на табличках из слоновой кости (имеющие, вероятно, числовое значение), обнаруженные Флиндерсом Петри в погребении в Накваде, схожи с рисунками на европейских дольменах. В числе рисунков, выбитых на мегалитических памятниках, встречаются также несколько египетских иероглифов, включая знаменитый «анх», или «сгух ansata»⁴⁷, символ жизненной силы и воскресения. На этом основании

⁴⁶ Религия Вавилонии и Ассирии.

⁴⁷ Крест с ушком.

Летурно заключает, «что строители наших мегалитических памятников пришли с юга и являются родственниками народам Северной Африки»⁴⁸.

Крест анх

Языковые свидетельства

Рассматривая лингвистическую сторону вопроса, Рис и Бринмор Джонс нашли, что предположение об африканском происхождении древнейшего населения Великобритании и Ирландии вполне оправдано. Было показано также, что кельтские языки по своему синтаксису принадлежат к хамитскому, а конкретно египетскому, типу⁴⁹.

Египетские и «кельтские» представления о бессмертии

Конечно, факты, которыми мы располагаем в настоящее время, не позволяют нам выстроить стройную теорию взаимоотношений между западноевропейскими строителями дольменов и теми, кто создал удивительную религию и цивилизацию Древнего Египта. Но если учесть все факты, становится очевидно, что подобные взаимоотношения имели место. Египет – страна классического религиозного символизма. Он дал Европе самые прекрасные и самые знаменитые образы – образ божественной матери и божественного дитяти. Как представляется, оттуда же к первым обитателям Западной Европы пришла и глубокая символика путешествия душ, ведомых в Мир Мертвых богом света.

Религия Египта в большей степени, чем другие развитые древние религии, построена на учении о будущей жизни. Впечатляющие своим великолепием и размерами гробницы, сложные обряды, удивительная мифология, высочайший авторитет жрецов – все эти черты египетской культуры теснейшим образом связаны с представлениями о бессмертии души.

Для египтянина душа, лишенная тела, не была просто призрачным его подобием, как считала классическая античность, нет, будущая жизнь являлась прямым продолжением жизни земной; праведный человек, занявший свое место в новом мире, оказывался окружен своими же родичами, друзьями, работниками, и его занятия и развлечения весьма походили на прежние. Судьбой злого было исчезновение; он становился жертвой невидимого чудовища по имени Пожиратель душ.

И вот, когда Греция и Рим впервые заинтересовались представлениями кельтов, их поразило прежде всего учение о посмертной жизни, которое, по словам галлов, исповедовали друиды. Народы классической древности верили в бессмертие души; но что представляют собой души умерших у Гомера, в этой библии греков! Перед нами – какие-то выродив-

⁴⁸ Бюллетень Антропологического общества. Париж, апрель 1893 г.

⁴⁹ В приложении к книге «Народ Уэльса» (с. 616–664) профессор Джонс весьма подробно обсуждает эту проблему. «Доарийские идиомы, сохранившиеся в валлийском и ирландском языках, ведут свое происхождение от языка, родственного египетскому и берберскому».

шиеся, заблудшие, лишенные человеческого облика создания. Возьмем хотя бы описание того, как Гермес ведет в Аид души убитых Одиссеем женихов:

Эрмий тем временем, бог килленийский, мужей умерщвленных
Души из трупов бесчувственных вызвал; имея в руке свой
Жезл золотой...

Им он махнул, и, столпясь, полетели за Эрмием тени
С визгом; как мыши летучие, в недрах глубокой пещеры,
Цепью к стенам прилепленные, если одна, оторвавшись,
Свалится наземь с утеса, визжат, в беспорядке порхая, —
Так, завизжав, полетели за Эрмием тени; и вел их
Эрмий, в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья...⁵⁰

Древние авторы чувствовали, что кельтские представления о загробной жизни являются собой нечто совершенно другое, нечто одновременно и более возвышенное, и более реалистичное; утверждалось, что человек после смерти остается тем же, каким был при жизни, сохраняя все прежние личные связи. Римляне с изумлением отмечали, что кельт может дать деньги в обмен на обещание получить их обратно в будущей жизни⁵¹. Это совершенно египетская концепция. Такая аналогия пришла в голову и Диодору (кн. 5), ибо ничего похожего в других местах он не встречал.

Учение о переселении душ

Многие античные писатели полагали, что кельтская идея бессмертия души воплощает в себе восточные представления о переселении душ, и была даже придумана теория, согласно которой кельты узнали это учение от Пифагора. Так, Цезарь (VI, 14) говорит: «Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое». Также и Диодор: «...у них пользуется популярностью учение Пифагора, согласно которому души людей бессмертны и некоторое время спустя они живут снова, поскольку душа их входит в другое тело» (*Диодор. Историческая библиотека*, V, 28). Следы этих представлений действительно присутствуют в ирландской легенде. Так, ирландский вождь Монган – историческое лицо, смерть которого зафиксирована в 625 г. н. э., спорит по поводу места гибели короля по имени Фотада, сраженного в битве с легендарным героем Финном Мак Кумалом в III в. Он доказывает свою правоту, призвав из потустороннего мира призрак Кайльте, убившего Фотада, и тот точно описывает, где расположено захоронение и что находится внутри него. Он начинает свой рассказ с того, что говорит Монгану: «Мы были с тобой», а затем, повернувшись к собравшимся: «Мы были с Финном, пришедшим из Альбы...» – «Тише, – говорит Монган, – ты не должен раскрывать тайну». Тайна, конечно, заключается в том, что Монган – перевоплощение Финна⁵². Но в целом очевидно, что учение кельтов отнюдь не совпадало с представлениями Пифагора и обитателей Востока. Переселение душ не являлось частью естественного хода вещей. Оно могло произойти, но обычно не происходило; умерший получал новое тело в том, а не в этом мире, и настолько, насколько мы можем установить по древним текстам, ни о каком нравственном воздаянии речь здесь не шла. Это не было положением вероучения, это был

⁵⁰ Одиссея. Кн. 24, ст. 1-10.

⁵¹ Об этом написали Валерий Максим (ок. 30 г. н. э.) и другие авторы.

⁵² *Де Жюбенвиль*. Ирландские мифы. С. 191 и след.

образ, красивая фантастическая идея, которую вовсе не следовало открыто провозглашать перед всеми, о чем свидетельствует предупреждение Монгана.

Очевидно, основу учения друидов составляла вера в бессмертие души⁵³. Цезарь прямо говорит об этом и утверждает, что друиды всячески развивали эту идею скорее ради утверждения собственного статуса, нежели из соображений метафизического порядка. Твердая вера в иной мир, наподобие укоренившейся у кельтов, – одно из самых мощных орудий в руках жречества, хранящего ключи от загробного мира. Итак, друидизм существовал на Британских островах, в Галлии, и, насколько можно судить, везде, где кельты соприкасались с племенами строителей дольменов. Кельты жили и в Цизальпинской Галлии, но там не было дольменов – и не было друидов⁵⁴. Ясно, во всяком случае, что, когда кельты пришли в Западную Европу, они обнаружили там могучее жречество, сложные религиозные ритуалы, огромные обрядовые постройки и народ, погруженный глубоко в магию и мистицизм, с развитым культом Подземного мира. Из этого можно сделать следующие выводы: друидизм возник благодаря впечатлительности кельтов, чрезвычайно способных, как мы уже знаем, к заимствованию чужих идей, а именно представлений прежнего населения Западной Европы – народа мегалита, который, в свою очередь, имел определенное касательство к духовной культуре Древнего Египта, о чем, впрочем, не следует здесь далее распространяться. Вопрос еще остается в значительной мере открытым и, возможно, так и не будет разрешен до конца, но если в выдвинутых здесь предположениях есть рациональное зерно, то народ мегалита все же выступает на один или два шага из-под завесы жутковатой тайны, которая его окружает, и становится очевидным, что он играл немалую роль в развитии религиозных представлений Западной Европы и в подготовке этой части мира к принятию христианства, которое здесь в итоге и восторжествовало. Бертран, в самом интересном разделе своей работы – главе об «Ирландии кельтов» – отмечает, что в Ирландии очень скоро после христианизации возникает множество монастырей, и общая их организация указывает, вероятно, на то, что они представляли собой на самом деле преобразованные коллегии друидов. Цезарь сообщил нам, как выглядели подобные, весьма многочисленные, заведения в Галлии. Невзирая на трудность обучения и строгость дисциплины в них, они привлекали многих людей – ибо друиды пользовались огромной властью и обширными привилегиями. Там изучали искусства и науки и доверяли человеческой памяти тысячи стихов, заключавших в себе вековую мудрость. Думается, что у ирландских друидов ситуация не слишком отличалась. Такого рода структура могла без особых затруднений превратиться в христианскую – поскольку в Ирландии эта религия приобрела довольно специфическую форму. Магические обряды не требовалось искоренять – раннее ирландское христианство, как показывает обширная агиографическая литература, столь же изобиловало магическими представлениями, как языческий друидизм. Основным содержанием религии оставалась вера в загробную жизнь. И главное, совершенно не требовалось отрицать верховенство священничества над земной властью; по-прежнему сохраняли свою истинность слова, сказанные Дионом Хризостомом о друидах: «Это они повелевают всем, и короли на золотых тронах, в великолепных дворцах – лишь их слугители и исполнители их замыслов».

⁵³ Этимология слова «друид» больше не является для нас неразрешимой загадкой. Было выдвинуто предположение, что вторая его часть связана с индоевропейской основой «*vid», которая присутствует в английском слове «wisdom» и латинском «videre» (а также русском «ведать», «видеть». – *Примеч. пер.*) и т. д. Турнейзен показал, что эта основа в сочетании с усилительной частицей «dru» могла дать слово «dru-vids», в гэльском языке превратившееся в «dravi», что и означает «друид», точно так же, как другая усилительная частица, «su», после прибавления «vids» дала в гэльском «savi», «мудрец».

⁵⁴ См. книгу Райса Холмса «Завоевания Цезаря в Галлии», с. 15, 532–536. Следует заметить, что Райс полагает, будто друидизм изначально являлся религией всего исконного населения Западной Европы «от Балтики до Гибралтара». Но точно нам известно только то, что друиды были там, где кельты встречались со строителями дольменов. Цезарь сообщает о германцах, что у них нет друидов и что у них мало распространены жертвоприношения.

Цезарь о знаниях друидов

О религиозных, философских и научных знаниях, преподаваемых друидами, Цезарь отзывается с большим уважением. «Они много говорят своим ученикам, – пишет он, – о светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе и о могуществе и о власти бессмертных богов» (VI, 14). Нам, конечно, хотелось бы узнать что-то более конкретное; но друиды, хотя они прекрасно владели искусством письма, категорически не хотели записывать свое учение; поистине мудрая предосторожность, ибо таким образом они не только создали вокруг него некую атмосферу таинственности, столь притягательную для человеческого ума, но добились того, что их положения никогда и никто не мог опровергнуть.

Человеческие жертвоприношения в Галлии

Процитированному выше сообщению Цезаря в нравственном плане противоречит чудовищная практика человеческих жертвоприношений, широкое распространение которой среди галлов отмечает наш автор. Заключение и преступников, или, если их не хватало, даже невинных людей, вероятно, детей, в установленное время сгоняли внутрь специально выстроенных шалашей и сжигали там заживо, дабы снискать милость богов. Разумеется, человеческие жертвоприношения совершали отнюдь не только друиды – на определенной стадии культурного развития они имели место во всех областях как Старого, так и Нового Света и в данном случае, без сомнения, представляли собой пережиток обычаев народа мегалита. Тот факт, что такая практика не исчезла у кельтов, находившихся на достаточно высокой во всех других отношениях ступени развития, находит параллели в Мексике и Карфагене и объясняется, очевидно, безраздельным господством жреческого сословия.

Человеческие жертвоприношения в Ирландии

Бертран пытается реабилитировать друидов, заявляя, что в Ирландии мы не находим никаких следов этого ужасного обычая, хотя там, как и повсюду в Кельтике, друиды пользовались неограниченной властью. В очень древнем трактате, «Диншенхас», дошедшем до нас в составе Лейнстерской книги, сообщается, что в долине Маг-Слехт стоял большой золотой идол – Кром Кройх (Кровавая луна). Прося о хорошей погоде и урожае, кельты приносили у его подножия в жертву детей: «Молока и хлеба они просили у него в обмен на своих детей – как велик был их страх и как горестны их стенания!»⁵⁵

И в Египте

Египтяне отличались легким, жизнерадостным характером и не были склонны к фанатизму; мы не находим никаких упоминаний о человеческих жертвоприношениях ни среди надписей, ни среди рисунков, столь же многочисленных, сколь богата информация обо всех сторонах жизни народа, ими предоставляемая⁵⁶. Манефон, египетский историк, писавший в III в. до н. э., сообщает, что человеческие жертвоприношения упразднил только Амазис I

⁵⁵ «Ирландские мифы» д'Арбуа де Жюбенвилля, с. 61. «Диншенхас» – раннехристианский памятник. Однако никаких упоминаний о Кром Кройхе нет ни в языческой литературе Ирландии, ни в сочинениях святого Патрика, и весьма вероятно, что уже во времена Патрика человеческие жертвоприношения отошли в область преданий.

⁵⁶ Однако в конце концов изображение человеческого жертвоприношения все же было найдено в храме Солнца древнего египетского города Мероэ.

в начале правления XVIII династии, около 1600 г. до н. э. Но полное молчание всех прочих источников показывает, что, даже если верить утверждению Манефона, такого рода обряды в историческое время были крайне редки и воспринимались отрицательно.

Имена кельтских богов

Какие имена носили и какими качествами обладали кельтские божества? Здесь мы в значительной степени блуждаем в потемках. Народ мегалита не считал, что его боги имеют человеческий облик. Камни, реки, источники, деревья и другие природные объекты служили для этого племени символами или наполовину символами, наполовину реальным воплощением почитаемых сверхъестественных сил. Но впечатлительная кельтская душа кельта этим не довольствовалась. О существовании у кельтов богов в человеческом облике с разными именами и характерами сообщает Цезарь, отождествляющий их с персонажами римского пантеона – Меркурием, Аполлоном, Марсом и т. д. Лукан называет триаду божеств: Тевтат, Ез и Таран⁵⁷; следует обратить внимание, что в этих именах можно выделить подлинно кельтские, то есть арийские, корни. Так, «Ез» восходит к индоевропейской основе «*as», означающей «быть», сохранившейся в имени Асурамазды у персов, Эсуна у умбров, асов – у скандинавов. Тевтат появился из кельтского корня со значением «доблестный», «воинственный», и это бог, похожий на Марса. Таран (Тор?) – согласно Жюбенвиллю, божество молнии («taran» в валлийском, корнуэльском, бретонском языке значит «молния»). Вотивные надписи этим богам найдены в Галлии и Британии. Другие надписи и изображения подтверждают существование в Галлии множества младших, местных божеств, от которых нам остались в лучшем случае имена. В том виде, в котором они до нас дошли, они несут на себе явные следы римского влияния. Все скульптуры – грубые подобию произведений римского религиозного искусства. Но среди них есть и дикие, странные изображения – трехликие боги, боги с ветвистыми рогами, змеи с рогами оводов и другие, непостижимые ныне символы древней веры. Весьма примечательны часто повторяющаяся «поза Будды» со скрещенными ногами, столь привычная для Востока и Мексики, а также хорошо знакомая нам по Египту тенденция объединять богов в триады.

Цезарь о кельтских божествах

Цезарь, пытавшийся вписать религию галлов в рамки римской мифологии – чем, впрочем, занимались и сами галлы после завоевания, – говорит, что Меркурий у них считается главным среди богов и что они видят в нем создателя всех искусств, покровителя торговли, стража дорог и покровителя путешественников. Из этого можно заключить, что он для галлов, как и для римлян, исполнял функцию проводника мертвых – путешественников в иной мир. До нас дошло много бронзовых статуй Меркурия, сделанных руками галлов, и само имя его было усвоено этим народом, как свидетельствуют многие топонимы. Аполлона называли богом целительства, Минерву – попечительницей всех искусств и ремесел, Юпитер распоряжался небом, а Марс покровительствовал войне. Разумеется, Цезарь здесь объединяет под пятью римскими именами множество разных галльских божеств.

⁵⁷ ...Также и те, что привыкли поить человеческой кровью Еза ужасный алтарь, или дикого в злобе Тевтата, Илья Тараниса, чей лик не добрей, чем у скифской Дианы *Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. М., 1993. I, 444–446. Перевод Л.Е. Остроумова.*

Бог Подземного мира

Согласно Цезарю, самым примечательным богом галлов был (в римской терминологии) Дис, или Плутон, божество подземного мира, населенного умершими. Галлы считают себя его потомками, и в его честь, говорит Цезарь, они начинают отсчет суток с наступления ночи⁵⁸. Имя бога не приводится. Д'Арбуа де Жюбенвилль полагает, что он, как и Ез, Тевтат, Таран, а в мифологии ирландцев – Балор и фоморы, олицетворяет силы тьмы, зла и смерти, и таким образом кельтские верования развивают известный во всем мире солярный миф, основанный на представлении о вечной борьбе между днем и ночью.

Бог света

Бог света в Галлии и Ирландии – это Луг, имя которого фигурирует во многих топонимах типа «Lug-dunum» (Лейден), «Лион» и т. д. В ирландских мифах Луг наделен отчетливо солярными свойствами. Он приходит к своему войску перед битвой с фоморами, и воинам кажется, говорит сага, будто они видят восход солнца. И тем не менее, как мы увидим в дальнейшем, он же – бог подземного мира, принадлежащий к силам тьмы через свою мать Этлин, дочь Балора.

Кельтские представления о смерти

Кельтские представления о смерти, с одной стороны, полностью разнятся как от греческих, так и от римских, а с другой стороны, на что уже указывалось, близко соответствуют египетским. Иной мир не был царством мрака и страдания, но, напротив, света и свободы. Солнце было в той же мере владыкой другого мира, как и владыкой этого.

Конечно, существовали и зло, и тьма, и боль, и это начало в мифах ирландских кельтов воплощали в себе Балор и фоморы, о которых мы еще не раз вспомним; но что данные образы каким-то особым образом связывались с идеей смерти – это, думается, абсолютно ложная гипотеза, возникшая из ошибочного сопоставления с соответствующими представлениями народов античности. Здесь кельты скорее близки к Северной Африке или Азии, нежели к европейским ариям. Только осознав тот факт, что кельты, судя по тому, что мы о них знаем, начиная с распада их центральноевропейской империи, являют собой исключительную смесь арийских и неарийских свойств, мы придем к подлинному пониманию их вклада в европейскую историю и их влияния на европейскую культуру.

Пять факторов древнекельтской культуры

Подводя итог, мы можем, как кажется, выделить пять составляющих религиозной и духовной жизни кельтов, какой она была до римского и христианского воздействий. Во-первых, здесь перед нами огромный массив народных верований и магических ритуалов, куда входят и человеческие жертвоприношения. Эти ритуалы отличались в разных местностях, поскольку были привязаны к различным природным объектам, считавшимся воплощениями или проводниками божественной или дьявольской силы. Во-вторых, существовала, несомненно, и своего рода интеллектуально-философская доктрина, центральным предме-

⁵⁸ И по сей день во многих областях Франции простонародье использует для обозначения текущего дня выражения вроде «*apnuit*», «*o'ne*», «*apneue*» и т. д., буквально означающие «сей ночью».

том поклонения в которой являлось солнце как символ божественной мощи и постоянства, а центральной идеей – идея бессмертия души. В-третьих, был культ антропоморфных божеств – Езуса, Тевтата, Луга и других, которые олицетворяли силы природы или охраняли божественные установления. В-четвертых, римлян глубоко поразило наличие у друидов квазинаучных представлений об устройстве мира, о деталях которых мы, к сожалению, практически ничего не знаем. Наконец, мы имели случай отметить могущество института жрецов, который главенствовал в области религиозного и светского образования, а также литературы⁵⁹; который давал право на это образование лишь членам привилегированной касты и который, благодаря интеллектуальному превосходству и окружавшей его атмосфере благочестивого трепета, стал основной политической, общественной и духовной силой во всех кельтских землях. Мы говорим об этих факторах, мысленно отделяя их друг от друга, но на практике они сплелись в неразрывное единство, и каста друидов распоряжалась всем. Естественно возникает вопрос: можем ли мы выделить здесь кельтские и докельтские, вероятно, даже доарийские элементы? Эта задача, конечно, очень сложна; однако мне думается, что, сопоставив схожие факты и проведя уместные параллели, мы не очень ошибемся, если припишем народу мегалита особое учение, обряды и жреческий институт друидизма; а кельтам – антропоморфных божеств и тягу к познанию и отвлеченным построениям; народные же суеверия – всего лишь форма, которую в конкретных местностях приняли идеи, общие для всего рода человеческого.

Кельты сегодня

В связи с тем, что нынешнее население стран, называемых «кельтскими», носит очевидно смешанный характер, часто считается, что это определение не имеет никакой опоры в реальной действительности. Тех кельтов, которые сражались с Цезарем в Галлии и с англичанами в Ирландии, больше нет – они погибли на полях сражений, на просторах от Алезии до реки Войн, и на их месте утвердился другой расовый субстрат. Согласно этой точке зрения, единственные представители истинных кельтов – это высокие краснолицые горцы Пертшира и северо-запада Шотландии, а также несколько династий из древнего племени завоевателей, еще сохранившихся в Ирландии и в Уэльсе. Думается, в этой концепции есть немалая доля истины. Тем не менее нельзя забывать, что потомки народа мегалита в физическом отношении несут в себе большую примесь кельтской крови, а в духовном – кельтских традиций и идеалов. Кроме того, касаясь вопросов национального характера и его истоков, не следует забывать о том, что здесь нельзя провести анализ, подобный анализу химического соединения – просто выделить составные части и однозначно предсказать будущие свойства. Национальный характер, как бы он ни был устойчив, – не деталь, отлитая в форме и очевидно неспособная к какому бы то ни было росту и развитию. Он – часть живого мира; он изменчив и включает в себе множество скрытых потенциалов, которые могут в любой момент вырваться наружу. Я лично убежден в одном – что этическое, общественное и интеллектуальное развитие народов, объединяемых европейцами под названием «кельтской окраины», должно идти только под знаком «кельтства» – необходимо хранить и поддерживать кельтскую традицию, литературу, язык, словом, все то, наследниками чего, пускай и не по прямой линии, стали знакомые нам смешанные народы. Все это близко им по духу и глубоко укоренилось в их сердцах, и того, кто, исполненный смелой веры, выйдет с плугом на эту пашню, ждет богатый урожай. С другой стороны, педантизму, ограниченности, нетерпимости не должно быть места здесь, если мы надеемся достичь успеха; не следует цепляться за внешние формы прошлого лишь потому, что кельтский дух однажды в них воплотился. Не будем забывать, что

⁵⁹ Следует помнить, что филиды, профессиональные поэты, входили в сословие друидов.

в раннем Средневековье ирландские кельты были самыми выдающимися учеными и миссионерами, самыми выдающимися первопроходцами в области религии, науки и отвлеченной мысли в Европе⁶⁰. Современные исследователи прослеживают их светносные пути на половине языческого материка, и школы Ирландии заполняли ученики-чужеземцы, которые нигде больше не могли получить образования. В те времена кельты играли свою звездную роль в мировой драме, и ничего более величественного им сыграть не удалось. Поистине, наследие этих людей нужно беречь с почтением, но не как музейную редкость; ничто не окажется дальше от их свободного, смелого духа, чем если оставить его каменеть в руках тех, кто называет себя прямым наследником их имени и славы.

Мифологическая литература

После очерка древней истории кельтов и факторов, повлиявших на нее, данного в этой и предшествующей главах, мы перейдем к обзору кельтских мифов и легенд, в которых и до сих пор живет душа, их создавшая. Мы не станем здесь касаться литератур никаких других народов. Мы не будем говорить об обработках кельтских по происхождению легенд, например о преданиях о короле Артуре, ибо никто уже не скажет, что в них от кельтов, а что – нет. Кроме того, в таких случаях главную ценность обычно представляет последний вариант.

Итак, все, что мы приводим, мы приводим без добавлений и без изменений. Конечно, часто приходится объединять разные версии, но все, что в них содержится, пришло непосредственно из духа кельтской нации, и эти легенды существуют и по сей день на гэльском или валлийском языке.

⁶⁰ Например, Пелагий в V в.; Колумба, Колумбан и святой Галл в VI в. Фридолин, прозванный «Путешественником», и Фурса в VII; Виргилий (Феаргал) из Зальцбурга, который предстал перед судом Рима за учение о шарообразности земли, в VIII; Дикилл, «Географ», и Иоанн Скотт Эриугена – один из самых выдающихся умов своего времени, – в IX.

Глава 3

Ирландские мифы о завоеваниях космогонии кельтов

А существовало ли у кельтов вообще какое-либо подобие космогонии, какое-либо повествование о происхождении мира и человека, помимо тайных учений «о природе вещей», которые, как сообщает Цезарь, друиды не позволяли записывать? Разумеется. Было бы поистине странно, если бы у кельтов, у единственного народа на земле, не было мифов о происхождении мира. Зрелище Вселенной, с ее бескрайними просторами, во всем бесконечном многообразии явлений небесных и земных, всегда сперва будило воображение, а потом давало пищу ищущему разуму любого народа, мало-мальски способного к тому или другому. У кельтов и воображения, и ума было в достатке, однако, кроме единственной фразы о «неразрушимости» мира, дошедшей до нас благодаря Страбону, мы ничего не знаем о первых их представлениях и умозаключениях по данному поводу. Корпус ирландских преданий весьма обширен. Конечно, дошедшие до нас тексты составлены уже в христианский период, однако в них осталось столько неоспоримо языческого, что предполагать, будто христиане – редакторы и переписчики убрали все намеки на чуждую их религии концепцию возникновения мира, было бы поистине странно. Тем не менее, они вообще ничего о ней не сообщили: в древнейшем корпусе сказаний ирландских гэлов – старейших сохранившихся текстах – нет ничего, что бы соответствовало вавилонской победе над силами хаоса, или безыскусному северному мифу о сотворении Митгарда из тела Имира, или египетскому преданию о создании вселенной Тотом, божественным Словом, из первичных вод, или даже примитивным представлениям, имеющимся почти у любого племени дикарей. Несомненно, у друидов было некое учение о данном предмете. Но они передавали его лишь посвященным и не допускали профанов к рассуждениям на эту тему, тем самым возведя непроходимую преграду на пути естественного стремления людей к мифотворчеству в плане космогонии, и добились того, что учение их, каким бы оно ни было, сгинуло вместе с ними.

И потому мы видим, что в первых ирландских повестях о начале времен речь идет не о начале Мира в целом, а о заселении их собственной страны, Ирландии. В имеющихся текстах сообщения о первых вторжениях и заселении земли обычно предворялись библейским преданием о сотворении мира и человека, следовательно, составители сознавали необходимость чего-то подобного; но что занимало место этого рассказа в дохристианские времена, мы не знаем и, вероятнее всего, не узнаем никогда.

Циклы ирландских повестей

Ирландские мифы и предания в их древнейшей форме часто делят на четыре главные группы, и, рассказывая о дошедших до нас произведениях, мы будем следовать данному делению. Назовем эти группы в хронологическом порядке: мифологический цикл, уладский цикл, цикл Финна или Оссиана и множество разрозненных сказаний и повестей, которые сложно подвести под единое историческое обрамление.

Мифологический цикл

Мифологический цикл включает в себя следующие подгруппы:

1. Прибытие в Ирландию Партолона.

2. Прибытие в Ирландию Немед.
3. Прибытие в Ирландию народа Фир Болг.
4. Вторжение Туата Де Дананн, или Племен богини Дану.
5. Вторжение Сыновей Миля, пришельцев из Испании, и поражение Племен богини Дану.

С появлением Сыновей Миля начинается нечто отдаленно напоминающее историю – в ирландской традиции они принадлежат кельтской расе и от них якобы происходят правящие рода Ирландии. Племена богини Дану, очевидно, боги. Предшествующие завоеватели выглядят как некие могучие призрачные фигуры, смутно мерцающие сквозь дымку предания и не обладающие четкими характеристиками. Повествования о них многочисленны и зачастую противоречивы, и потому здесь мы будем говорить лишь о наиболее ранних текстах.

Прибытие Партолона

Кельты, как мы знаем от Цезаря, полагали, что они ведут свой род от бога подземного мира, бога мертвых. Партолон пришел в Ирландию с запада, где за бесконечными просторами Атлантического океана, чьи воды не мог пересечь ни один корабль, лежала сказочная страна ирландцев – Остров Живых, то есть Остров Счастливых Мертвых. Отца Партолона звали Сера (возможно, Запад). С ним приплыли его королева Делгнайд и множество спутников обоих полов. Ирландия – штрих, который должен был свидетельствовать о невероятной древности происходящего, – выглядела тогда совершенно не так, как теперь. В то время в Ирландии было только три озера, девять рек и одна равнина. Другие постепенно возникали в те времена, когда на острове жил народ Партолона. Одно из них, озеро Рудрайге, разверзлось на месте могилы, вырытой для Рудрайге, сына Партолона.

Фоморы

Известно, что народ Партолона воевал со странными существами, которых называли фоморами и о которых мы еще многое услышим в дальнейшем. Это было племя великанов, уродливых и жестоких, символизировавшее, как можно предположить, силы зла. Одного из них звали Кенхос, что значит Безногий, таким образом он, очевидно, связан родственными узами с Вритрой, злым божеством в ведической мифологии, лишенным рук и ног. Партолон сражался с этими демонами за власть над Ирландией и изгнал их за северные моря, откуда в дни последующих правителей они периодически приходили опустошать страну.

В конце концов среди народа Партолона началось поветрие, они собрались вместе на Старой Равнине (Сенмаг), чтобы удобнее было хоронить мертвецов, и все погибли там; и опустевшая Ирландия вновь стала ждать заселения.

Сказание о Туане Мак Кайриле

Тогда кто же рассказал эту историю? Теперь мы должны упомянуть об одной из тех любопытных повестей, в составе которых до нас дошли предания мифологического цикла. Она записана в так называемой «Книге Бурой Коровы», рукописи, относящейся примерно к 1100 г. н. э., и озаглавлена «О Туане Мак Кайриле».

Рассказывают, что однажды святой Финнен, ирландский аббат, живший в VI в., искал гостеприимства у одного человека по имени Туан Мак Кайрил, дом которого находился неподалеку от монастыря Финнена, в Мувиле, графство Донегал. Туан отказался впустить его.

Тогда святой сел у порога и постился целое воскресенье, после чего суровый воин-язычник наконец отворил ему двери. Они подружились.

«Туан – прекрасный человек, – сказал святой, возвратившись к своим монахам, – вскоре он придет и развлечет вас: он расскажет старые предания».

Заметим, что искренний интерес клириков к древним мифам и легендам столь же типичен для Ирландии, как и их любовь к собственной раннехристианской литературе.

Туан действительно вскоре явился с ответным визитом и пригласил святого с учениками к себе в крепость. Они спросили, как его зовут и кто он родом, и получили удивительный ответ. «Я – воин Ульстера, – сказал он. – Зовут меня Туан, сын Кайрила. Но когда-то меня звали Туан, сын Старна, сына Серы, и мой отец, Старн, был братом Партолона».

Тогда Финнен попросил: «Поведай же нам историю Ирландии», и Туан начал. Партолон, сказал он, был первым, кто поселился в Ирландии. Во время ужасного поветрия, о котором мы уже упоминали, в живых остался только Туан, «ибо не бывает таких кровопролитий и казней, которых бы не пережил хотя бы один человек, чтобы рассказать повесть о них». Он был один и скитался от одной пустующей крепости к другой, от скалы к скале, отыскивая убежище, недоступное для волков. Так он прожил двадцать два года среди пустошей, пока окончательно не одряхлел.

«В то время Ирландией завладел Немед, сын Агномана. Он [Агноман] был братом моего отца. Я видел его со скал и бежал от него. Я зарос волосами и не стриг ногтей, я был дряхл, наг, сед, изможден и жалок. Однажды вечером я уснул, а с утра проснулся в облике оленя. Я снова был молод и весел сердцем. И тогда я запел о приходе Немед и его народа и о собственном моем преображении... Я стал другим, я оделся в толстую серую кожу. Победа и радость стали легки мне; а ведь еще недавно я был слаб и беззащитен».

И все время, пока на острове жил народ Немед, Туан был королем оленей Ирландии.

Затем он рассказал, как Немед со своим народом отправился на поиски Ирландии – на тридцати двух кораблях, по тридцать человек на каждом. Полтора года они скитались по морям, и большинство их не вынесло голода и холода или погибло в кораблекрушениях. Спаслось только девятеро – сам Немед, четверо мужчин и четыре женщины. Они высадились в Ирландии, и со временем род их размножился настолько, что на острове оказалось 8060 человек. Затем все они умерли таинственным образом.

Снова старость и одряхление пришли к Туану, но его ждало новое превращение. «Я и сейчас помню, как однажды я стоял у входа в свою пещеру и понял, что тело мое приобретает иную форму. Я стал диким кабаном. И я запел песню:

«Ныне я – вепрь... Было время, когда я сидел среди тех, кто выносил решения у Партолона. Мы пели, и все восхищались напевом. Как чудесна была мелодия моего великолепного суждения! Как приятна ушам чарующих юных дев! Как величественно и прекрасно мчалась моя колесница! Голос мой был печален и сладок. Шаг мой был быстр и тяжел в битве. Лик мой был исполнен прелести. Но вот! Ныне я обратился в вепря...»

Вот что я сказал. Да, я и вправду превратился в дикого кабана. Я вновь был юн и весел. Я стал королем кабаньих стад Ирландии; и, верный своему обычаю, когда старость и немощь вновь подступили ко мне, обходя границы моих владений, я вернулся в земли Ульстера. Ибо там всегда происходило мое преображение, и потому я пришел туда ожидать новой перемены».

Потом Туан рассказал, как поселился в Ирландии Симеон, от которого произошли Фир Болг и два других племени, существовавших еще в доисторические времена. Снова настигла его дряхлость, силы оставили его, и он опять преобразился; он стал «большим орланом» и вновь наслаждался вернувшимися юностью и мощью. Он поведал, как явились на остров Племена Дану, «боги и ложные боги, от которых, как известно, ведут свой род ученые мужи Ирландии». За ними пришли Сыновья Миля, победившие народ Дану. Все это время Туан

пребывал в облике орлана; однажды, почувствовав, что близится новое превращение, он постился девять дней; «затем сон охватил меня, и я обратился в лосося». Он радовался новой своей жизни, счастливо избегая рыбацких сетей, пока все-таки не был пойман и принесен жене Кайрила, правителя той страны. «Женщина пожелала меня и съела меня целиком одна, так что я оказался в ее чреве». Он вновь родился и стал Туаном, сыном Кайрила; но память о прежнем существовании, о преображениях и обо всей истории Ирландии, которую он видел начиная со времен Партолона, не стерлась, и он поведал все это монахам, бережно записавшим услышанное.

Эта невероятная повесть, с ее атмосферой седой древности и детских чудесных сказок, напоминает нам о преображении валлийца Талиесина, который тоже стал орлом, и указывает на то, что учение о переселении душ, как мы уже знаем, каким-то образом присутствовало в сознании кельтов.

Теперь следует прибавить несколько деталей к тому наброску последовательных завоеваний Ирландии, который нам дал Туан Мак Кайрил.

Племя Немеда

Племя Немеда, как мы уже видели, было родственно племени Партолона. И те и другие пришли из таинственной Земли Мертвых, хотя в поздних записях, создатели которых пытались примирить миф и христианство, родоначальниками их объявляются ветхозаветные патриархи, а родиной – такие страны, как Испания или Скифия. Оба племени постоянно воевали с фоморами, в позднейших легендах превратившимися в морских пиратов, но изначально, без сомнения, олицетворявшими силы зла и тьмы. Не существует предания о том, как фоморы пришли в Ирландию, и их никогда не считали завоевателями. Они были древними как сам мир. Немед победил их в четырех великих битвах, но вскоре умер от поветрия, унесшего вместе с ним еще 2000 человек из его народа. Тогда фоморы смогли подчинить себе Ирландию. В то время у них было два правителя, Морк и Конанд. Их крепость располагалась на острове Тори, чьи пустынные скалы и утесы поднимаются из вод Атлантики, близ побережья Донегала – весьма подходящее обиталище для этого таинственного и жуткого народа. Они требовали с обитателей Ирландии дань – две трети молока и двух детей из каждой троицы, родившихся на острове. Наконец племя Немеда взбунтовалось. Под командой троих вождей они напали на остров Тори, захватили башню Конанда, а сам Конанд пал от руки военачальника Фергуса. Но в этот момент Морк вступил в битву со свежими силами и полностью сокрушил людей Немеда, из которых осталось в живых лишь тридцать:

Все воины Эрин вышли
С фоморами сразиться;
Всех их поглотило море;
В живых осталось лишь тридцать.
(Эохи О 'Фланн, ок. 960 г.)

Эти тридцать человек в отчаянии покинули Ирландию. Согласно древнейшим преданиям, все они сгинули, не оставив потомства, но поздние источники, стремясь создать из этих мифов историю, рассказывают, что семья их вождя, Бриотана, поселилась в Великобритании и дала свое имя этой земле, а два других рода после многих скитаний вернулись в Ирландию, и они-то и были Фир Болг и Племена богини Дану.

Приход Фир Болг

Кто были Фир Болг и какова их роль в ирландской мифологии? Возможно, это название означает «люди мешков», и, чтобы объяснить его, была даже придумана легенда. В ней говорится, что, когда они поселились в Греции, местные жители поработили их и заставили таскать почву из плодородных долин на каменистые холмы, чтобы разбить там сады и поля. Для этого им требовались кожаные мешки; и, устав от жизни невольников, они сделали лодки или кораклы из этих мешков и отплыли на них в Ирландию. Однако Ненний утверждает, что Фир Болг пришли из Испании, поскольку, по его мнению, все народы, которые населяли Ирландию, пришли из Испании; для него «Испания» – это и есть место, называемое у кельтов Страной Мертвых. Народ, который обычно именуют «Фир Болг», на самом деле состоял из трех племен: Фир Болг, Фир Домнан и галеоин. В легендарной истории Ирландии они не играют особой роли, и на них, по-видимому, навсегда остался отпечаток униженности и рабства.

Один из их правителей, Эохайд Мак Эрк, взял в жены Тайльtiu, дочь короля Великой Равнины (Страны Мертвых). У нее был дворец в месте, названном по ее имени: Тайльtiu. Там она умерла, и там, еще и в Средневековье, каждый год устраивались собрания в ее честь.

Приход племен богини Дану

Теперь мы переходим к самым интересным и значительным из легендарных завоевателей Ирландии – к Племенам богини Дану. Иногда Дану называли и другим именем – Бригит; эта богиня весьма почиталась в языческой Ирландии, и многие ее черты унаследовала христианская святая Бригитта, жившая, согласно легенде, в VI в. Кроме того, в галльских надписях мы встречаем ее имя в форме «Brigindo», а в нескольких бриттских – в форме «Brigantia». Она была дочерью верховного вождя – бога по имени Дагда, что значит «добро». У нее родилось три сына, но у них был только один сын, названный Экне, то есть «Знание» или «Поэзия»⁶¹. Таким образом, можно сказать, что матерью Экне была Дану. Народ, которому она дала свое имя, олицетворяет силы света и знания в ирландской мифологии. Следует помнить, что только его представителей Туан Мак Кайрил назвал «богами». Однако в тех сказаниях, которые до нас дошли, Племена богини Дану не выступают как настоящие боги. Христианство низвело их до уровня волшебных существ – фэйри или отождествило с падшими ангелами. Сыновья Миля, представленные в легенде как собственно человеческая раса, покорили их, и повести о любви и вражде между выходцами из двух народов относятся уже к вполне историческим временам. Но и в самых поздних сказаниях Племенам богини Дану присуще определенное величие и благородство, напоминающее о том высшем статусе, которого они лишились.

Представления народа и представления бардов

Не следует забывать, что народные представления об этих божествах, по-видимому, заметно отличались от соответствующих представлений бардов и друидов, иными словами, ученых людей. Последние, как мы увидим, изображали Племена богини Дану божествами мудрости и поэзии. Это не бытовой образ, это плод кельтского, арийского воображения,

⁶¹ Как мы уже видели, друиды облакали свои знания в стихотворную форму, а профессиональные поэты входили в коллегию друидов.

подстегиваемого интеллектом. Для простолюдинов, то есть главным образом для потомков народа мегалитов, божества эти были, видимо, силы земли, *dei terreni*, как их прямо называет «Книга Армага» VIII в., ведавшие не мудростью и поэзией, но плодородием земли и водой и обитавшие в холмах, реках и озерах. В поэзии бардов доминирует, конечно, «кельтская» концепция; другая сохранилась в бесчисленных сказках и народных поверьях; но, конечно, и они переплетаются, и ни в древности, ни теперь не существовало и не существует четкой разграничительной линии между ними.

Сокровища племен богини Дану

Туан Мак Кайрил говорил, что Племена пришли в Ирландию «с небес». В поздней традиции возникает красивая повесть о том, как они покинули четыре великих города, сами имена которых пробуждают память о волшебных сказках и романтических преданиях – Фалиас, Гориас, Финдиас и Муриас. Там они научились знанию и ремеслу у четырех мудрецов, и из каждого города они взяли по волшебному сокровищу. Из Фалиаса был привезен Камень Судьбы, на который при коронации становились верховные короли Ирландии и который якобы начинал кричать, когда его касался тот, кому суждено было стать истинным королем. Некий реальный камень, использовавшийся в коронационных церемониях с незапамятных времен, находился в Таре, в начале VI в. он был отослан в Шотландию для коронации Фергуса Великого, сына Эрка, который одолжил его у своего брата, Муртага Мак Эрка. Древнее пророчество гласит, что там, где он будет лежать, править будет король из династии скоттов (то есть из Сыновей Миля). Это и есть знаменитый Сконский камень; в Ирландию он так и не вернулся, но в 1297 г. Эдуард I приказал перенести его в Англию, и теперь это – Коронационный камень в Вестминстерском аббатстве. Пророчество не солгало – ведь британская правящая династия через Стюартов и Фергуса Мак Эрка восходит к реальным королям Ирландии, потомкам Сыновей Миля.

Второе сокровище Племен богини Дану – не знающий поражений меч⁶² Луга Длинная Рука, о котором мы еще услышим, и меч этот явился из города Гориас. Из Финдиаса происходит волшебное копье, и из Муриаса – котел Дагды, имевший то свойство, что пищей из него можно было накормить целое войско и при этом он не пустел.

С этими диковинами, согласно «Книге захватов Ирландии», Племена богини Дану явились на остров.

Племена богини Дану и Фир Болг

Магическое облако перенесло их в Ирландию, а именно-в Западный Коннахт. Когда облако рассеялось, Фир Болг обнаружили пришельцев, уже обосновавшихся в своем укрепленном лагере в Мурейне.

Тогда Фир Болг отправили одного своего воина по имени Сренг побеседовать с ново-прибывшими, а Племена богини Дану со своей стороны отправили навстречу ему Бреса. Два посланника с интересом изучили оружие друг друга. Копья Племен богини Дану были легки и остры, напротив, копья Фир Болг – тяжелы и тупы. Ясно, что здесь сопоставляется сила знания с грубой физической мощностью; можно, кстати, припомнить греческий миф о борьбе олимпийцев с титанами.

⁶² Согласно другой версии, из Гориаса было принесено копье Луга, а из Финдиаса – меч, позднее принадлежавший Нуаду. (Примеч. пер.)

Брес предложил Фир Болг поделить Ирландию поровну и впредь оборонять ее от всех прочих пришельцев. Затем два посланника обменялись оружием и отправились каждый в свой лагерь.

Первая битва при Маг-Туиред

Однако Фир Болг не признали превосходства Племен богини Дану и отвергли их предложение. Битва состоялась на равнине Маг-Туиред⁶³, на юге графства Майо, близ места, ныне носящего название Конг. Войско Фир Болг вел их король, Мак Эрк, а во главе Племен богини Дану стоял Нуаду Серебряная Рука, получивший свое прозвище как раз после этого сражения. В бою ему отсекли руку, и один из искусных мастеров, которых было немало среди народа Дану, сделал ему новую, из серебра. Благодаря своим магическим и целительским умениям Племена выиграли битву, и король Фир Болг погиб. Далее было заключено мирное соглашение: Фир Болг получил во владение Коннахт, а всю оставшуюся часть Ирландии Племена богини Дану взяли себе. Еще и в XVII в. анналист Мак Фирбис заявлял, что многие обитатели Коннахта считают себя потомками Фир Болг. Возможно, они действительно существовали, и предание о вражде между двумя народами – фрагмент реальной истории, приобретший мифологические черты.

Изгнание короля Бреса

Королем Племен богини Дану должен был быть Нуаду, но его увечье мешало этому, поскольку калека не мог править Ирландией. Поэтому Племена избрали Бреса, сына женщины по имени Эри и таинственного незнакомца. Это был уже другой Брес, не тот, который вел переговоры с Фир Болг; тот пал в битве. Однако Брес, хотя могучий и прекрасный на вид, оказался плохим правителем, ибо он не только допустил, чтобы враги Ирландии, фоморы, вновь стали собирать свою дань, но и сам мучил подданных жестокими поборами и при этом был настолько скуп, что не принимал у себя героев и певцов. Для ирландского владыки недостаток щедрости и гостеприимства всегда считался худшим из пороков. Рассказывают, что однажды ко двору Бреса явился поэт Корпре; его поместили в маленькой темной комнате, неустроенной, без огня, после долгой задержки накормили тремя сухими хлебцами и даже не дали эля. В отместку он посвятил жадному хозяину насмешливый куплет, песнь поношения:

Без пищи, что явится быстро на блюде,
Без молока коровы, в утробе которой теленок,
Без жилья человеческого в темени ночи,
Без платы за песни поэтов пребудет пусть Брес⁶⁴.

В Ирландии считалось, что стихотворная сатира обладает своего рода магической силой. Короли трепетали перед ней; с ее помощью можно было даже крыс изводить. Народ с восторгом повторял этот куплет Корпре, и Бресу пришлось отказаться от трона. Говорят, то была первая сложенная в Ирландии песнь поношения. Потому ли, что Диан Кехт сделал серебряную руку для Нуаду, или потому, что, как сообщают другие версии легенды, сын

⁶³ Что означает «Равнина Башен», то есть надгробий.

⁶⁴ Цит. по: Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991. Перевод С.В. Шкунаева.

Диан Кехта, еще более могущественный целитель, нарастил на обрубке живую плоть, но на место Бреса правителем избрали Нуаду.

Тогда негодующий Брес отправился к своей матери Эри, чтобы посоветоваться с ней и расспросить ее о своем происхождении. Эри объявила ему, что отец его – Элата, король фоморов, тайно явившийся к ней с моря, и что, уходя, он дал ей кольцо, велел отдать его тому, кому оно придется впору. Кольцо оказалось Бресу впору, и они вместе вышли на берег, куда приплыл некогда фомор, и отправились искать среди морей дом отца Бреса.

Фоморы угнетают Ирландию

Элата признал свое кольцо, дал сыну войско, чтобы тот покорил Ирландию, и послал его искать помощи у другого короля фоморов, Балора. Балор носил прозвище Дурной Глаз, потому что гневный взгляд его единственного глаза мог убить подобно молнии. Но теперь Балор был так стар и немощен, что смертоносный глаз закрыло огромное веко, которое, когда требовалось обратить взор на врагов, его людям приходилось поднимать веревками и рычагами. Нуаду не сумел одолеть такого воинства, как не смог это сделать сам Брес в бытность свою королем; страна продолжала стенать под игом фоморов и мечтала о героическом освободителе.

Приход Луга

В центре повествования теперь оказывается новая фигура, а именно Луг, сын Киана, бог солнца всей Кельтики, чье имя еще можно распознать во многих континентальных топонимах. Чтобы объяснить его появление, нам необходимо отвлечься от древних манускриптов, которые не сообщают нам всего, и обратиться к народной сказке, которую уже в XIX в. услышал и записал великий ирландский антиквар О'Донован. В этой сказке сохранились имена Балора и его дочери Этлин (последнее в форме «Этниу»), а также других мифологических персонажей, но имя отца Луга довольно-таки сложно распознать в форме «Мак Кенфелад»; имя самого Луга забыто, и о смерти Балора повествуется совершенно иначе, чем в древнем предании. Ниже я расскажу эту историю, сохраняя древние имена и сюжет мифа, дополнив его в некоторых местах подробностями из сказки, очищенными от позднейших наслоений.

Итак, Балор, король фоморов, узнал от друидов, что он будет убит собственным внуком. Единственным его ребенком была юная Этлин. Чтобы обмануть судьбу, он, подобно греческому Акризию, отцу Данаи, запер ее в высокой башне на скалистом мысу Тор-Мор, что на острове Тори. Он поручил дочь опеке двенадцати нянек, которым было строго приказано позаботиться о том, чтобы она не только не увидела лица мужчины, но вообще не знала, что на свете бывают существа другого пола. Так Этлин росла и наконец превратилась – как это обычно случается с заключенными в башню принцессами – в девушку невероятной красоты.

В то время в Ирландии жили три брата – Мак Кенфелад (Киан), Мак Самтан и кузнец Гавида (Гоибниу, великий мастер ирландской мифологии; его образ соответствует германскому Кузнецу Вёлунду). У Киана была волшебная корова; она давала столько молока, что охранять ее приходилось весьма тщательно.

Балор решил завладеть этой коровой. Однажды Мак Кенфеладу и Мак Самтану понадобилось отправиться в кузницу, чтобы отковать оружие; они взяли с собой для этой цели особую сталь. Мак Кенфелад вошел в кузницу, а Мак Самтан остался следить за коровой. Тут появился Балор, принявший облик маленького рыжего мальчика, и сообщил, что братья внутри якобы составляют заговор: сковать свои мечи из чудесной стали, а для Мак Самтана

оставить обычный металл. Мак Самтан в великом гневе бросился в кузницу, оставив мальчика охранять корову. Естественно, Балор тут же перенес ее на остров Тори.

Мак Кенфелад-Киан решил отомстить за обиду и обратился за советом к женщине-друиду по имени Бирог. Вдвоем – причем Киан в женском платье – они перенеслись через море, и Бирог объявила служанкам Этлин, что они потерпели кораблекрушение, спасаясь от преследователей, и попросили убежища. Их пустили; и пока няньки, заколдованные Бирог, спали, Киан сумел добиться расположения Этлин. Когда женщины проснулись, Киан и Бирог уже исчезли; но через какое-то время открылось, что Этлин в тягости. Боясь гнева Балора, няньки убедили ее, что все это был всего лишь сон; однако в положенный срок принцесса разрешилась от бремени тремя сыновьями.

Балор узнал об этом и в ярости приказал утопить младенцев в море. Слуга завернул детей в полотно, но по дороге булавка раскололась, и один из них упал в маленький залив, и по сей день называемый бухта Булавки. Двое других были надлежащим образом утоплены, и слуга сообщил, что выполнил свою задачу.

Но Бирог спасла упавшего в залив мальчика и перенесла его в дом его отца, Киана, который в свою очередь передал его на воспитание брату-кузнецу; мальчик выучился кузнечному делу и всем ремеслам. Это и был Луг. Когда он немного подрос, Племена богини передали его на воспитание Дуаху Темному, королю Великой Равнины (Волшебной Страны, или Страны Живых, которая в то же самое время является Страной Мертвых), и там Луг жил, пока не возмужал окончательно.

Разумеется, именно Лугу было суждено спасти Племена богини Дану от рабства. Рассказ о его приходе содержит явные намеки на его солярную природу, и, подобно Аполлону, он предстает как верховное божество всего людского знания, а также искусств и врачевания. Однажды он пришел предложить свою службу Нуаду Серебряная Рука, и, когда страж у ворот королевского дворца в Таре спросил его, что он умеет, Луг отвечал, что он плотник. «Ты нам не нужен, – сказал привратник, – есть уже у нас плотник, Лухта, сын Лухайда». – «Спроси меня, я кузнец», – сказал Луг. «Есть между нами кузнец», – отвечал привратник. «Спроси меня, я герой». – «Ты нам не нужен, у нас уже есть один, Огма». Луг продолжает перечислять все ремесла и искусства, какие может вспомнить, – он и филид, и арфист, и чародей, и врачеватель и т. д., и каждый раз слышит, что лучший из лучших уже имеется при дворе Нуаду. Наконец Луг говорит: «Пойди и спроси своего короля, есть ли при нем человек, что искусен во всех этих ремеслах сразу. Если же найдется такой, я покину Тару»⁶⁵. После этого Луга допускают во дворец, и он получает прозвание Самильданах, «мастер на все руки»; другое его имя звучало как Луг Лавада, Луг Длинная Рука. Как указывает де Жюбенвилль, здесь уместно вспомнить о некоем галльском божестве, которое Цезарь отождествляет с Меркурием, «создателем всех ремесел». Ирландский миф подтверждает это свидетельство и сообщает кельтское имя данного божества.

Из Страны Живых Луг принес множество волшебных предметов. Это была ладья Мананнана, сына Лира, бога моря, который читал в мыслях людей и мог мгновенно оказаться везде, где пожелает, а также конь Мананнана, который одинаково мчался по суше и водам, и ужасный меч Фрагарах («Отвечающий»), который пробивал любую броню. Со всем этим добром Луг появился однажды перед вождями Племен богини Дану, раздумывавшими, платить ли дань посланцам фоморов; и когда они увидели его, то им показалось, будто это солнце взошло летним утром. Вместо того чтобы заплатить дань, они напали на фоморов; в живых остались только девять, и их отправили обратно, сообщить Балору, что Племена богини Дану больше ничего не дадут ему. Тогда Балор приготовился к войне и повелел своим

⁶⁵ Перевод Т.А. Михайловой.

военачальникам, когда они выиграют битву, привязать остров канатами к кораблям и оттащить его в край льда и мрака, чтобы уже не беспокоиться на этот счет.

Подвиг сыновей Турена

Луг, со своей стороны, тоже готовился к решающему сражению; но для победы еще нужно было достать кое-какие магические орудия. История о том, как они добывались, в которой попутно рассказывается о смерти отца Луга, Киана, пожалуй, одна из самых любопытных среди всего корпуса ирландских легенд, и вместе с двумя другими – «Повесть о детях Лира» и «Изгнание сыновей Уснеха» – составляет триаду лучших ирландских романтических преданий.

Итак, Луг отправил Киана на север, поднимать мужей Ульстера на борьбу с фомами. По дороге, проходя через равнину Муиртемне, неподалеку от Дундалка, он встречает трех братьев – Бриана, Иухара и Иухарбу, сыновей Турена. Между родом Турена и родом Киана существовала кровная вражда. Киан пытается спастись от них, превращается в свинью и прибивается к стаду, пасущемуся на равнине, но братья узнают его, и Бриан ранит его копьем. Киан, зная, что конец близок, просит разрешения снова принять перед смертью человеческий облик. «Лучше я убью человека, чем свинью», – говорит Бриан, который во всех приключениях предводительствует своими братьями. Киан стоит перед ними, уже как человек, и кровь сочится из раны на его груди. «Я перехитрил вас, – восклицает он, – ибо, если бы вы убили свинью, вы заплатили бы виру только за свинью, теперь же вы заплатите виру за человека; никогда не бывало большей виры, чем та, что заплатите вы; и оружие, которым вы убьете меня, расскажет всю повесть тому, кто придет отомстить!» – «Тогда мы убьем тебя без всякого оружия», – сказал Бриан, и братья забросали Киана камнями и похоронили его на глубине человеческого роста. Но вскоре той же дорогой проходит Луг, и камни на равнине взывают к нему и повествуют о том, как пал его отец от рук сыновей Турена. Луг раскапывает тело и, поклявшись отомстить, возвращается в Тару. Здесь перед верховным королем он обвиняет сыновей Турена и получает разрешение убить их или назначить виру. Луг выбирает виру и сперва называет самые обычные вещи: три яблока, шкура кабана, копье, колесница с двумя лошадьми, семь свиней, пес, вертел; в придачу ко всему этому они должны трижды прокричать на холме. Братья обязуются достать и исполнить все требуемое, и тогда Луг объясняет, что он на самом деле имел в виду. Три яблока растут в Саду Солнца; шкура кабана исцеляет любые раны и немочи, если возложить ее на больного, и принадлежит она королю Греции; волшебное копье принадлежит царю Персии (разумеется, все названия стран – просто обозначения таинственного мира сказочных существ); правитель Золотых Столбов, король Асал, владеет семью свиньями, которых можно убивать и поедать еженощно, и на следующий день они окажутся живы и невредимы; вертел принадлежит морским девам с затонувшего острова Финхори; а трижды прокричать необходимо на холме ярого воина Мохазна, при том что сам Мохазн и сыновья его связаны обетом не дать ни одному человеку возвысить голос на этом холме. Ни одно из требований невозможно исполнить, но братья должны выполнить их все, прежде чем очистятся от вины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.